БИБЛІОТЕЧКА ЖУРНАЛА „ИГРУШЕЧКА“.

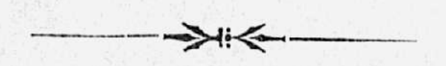
ТОМЪ XVIII.

ЛАЗУРНОЕ МОРЕ.

Съ 23 рисунками.

составилъ
Проф. Кіевск. политехнич. института.
Ю. Н. ВАГНЕРЪ.

Изданіе журнала „Игрушечка“.

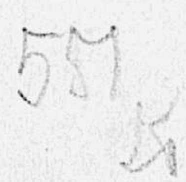
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1900.

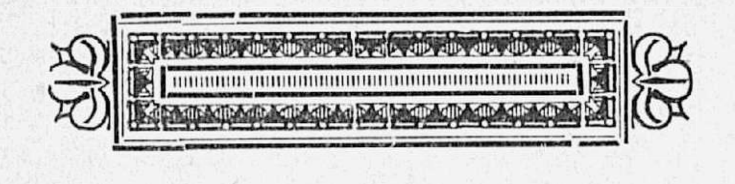

Дозволено ценз. СПБ., 22 января 1901 г.

Типогр. Минист. Путей Сообщ.
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°),
Фонтанка, 117

I.

Морская вода.

Наконецъ-то, голодный и усталый, я добрался до почтовой станціи на Чатырдагѣ!.. При подъемѣ на Чатырдагъ, меня нагнала туча съ такимъ проливнымъ дождемъ, что въ пять минутъ я промокъ до послѣдней нитки...

*

Теперь я могъ передохнуть и переждать дождь...

Пока я сидѣлъ на почтовой станціи и пилъ густое парное молоко съ ароматнымъ пшеничнымъ хлѣбомъ, выглянуло солнце. Было уже за полдень; до темноты я хотѣлъ дойти до Алушты, и черезъ часъ я уже снова шагалъ по шоссе дальше, ни сколько не думая о своемъ, не успѣвшемъ просохнуть платьѣ... По сторонамъ дороги поднимались склоны, поросшіе прекраснымъ буковымъ и тополевымъ лѣсомъ. Солнце блестѣло на глянцевитыхъ, мокрыхъ листьяхъ. Тысячи насѣкомыхъ, вызванныя солнечнымъ тепломъ къ новой жизни, жужжали въ воздухѣ...

Но вотъ лѣсъ кончился. Я миновалъ перевалъ, и передо мной открылся чудный видъ: широкая долина, спускающаяся съ перевала къ Алуштѣ. Слѣва, по другую сторону

долины, высоко въ небо уходила своею сѣрою, скалистою вершиною гордая Демерджи. Справа поднимались склоны Яйлы. Внизу тянулись кусты, виноградники и татарскія табачныя поля. По горнымъ террасамъ лѣпились сакли съ низкими плоскими крышами. Еще полчаса, и вдали показались первые бѣлые домики Алушты, а за ними все яснѣе и яснѣе выступало широкою, темною поло-

сою, сливавшейся съ горизонтомъ, Черное море...

Наконецъ-то я увижу море! Побывать на берегу настоящаго моря было моею давнишнею мечтою. Теперь эта мечта могла осуществиться... Вотъ оно море!.. темное, таинственное... такъ давно манившее меня къ себѣ...

Я остановился, напрягая зрѣніе, всматриваясь вдаль, стараясь замѣтить хоть одну волну на горизонтѣ. Напрасно! Было

слишкомъ далеко до берега и ничего, кромѣ сплошной темной полосы, не было видно... Еще немного, и эта полоса постепенно исчезла; по мѣрѣ того, какъ я спускался къ Алуштѣ, море скрылось за неровностями почвы...

Подъ вечеръ я дошелъ до Алушты... Не останавливаясь въ ней, я быстро миновалъ ее и вышелъ къ кордонной тропѣ на берегъ. Узкая берего-

вая полоса была покрыта круглыми сѣрыми камнями. Сзади меня поднимался небольшой обрывъ изъ глинистаго шифера, а впереди разсыпалось до самаго горизонта синее море. Небольшой вѣтеръ рябилъ его поверхность. Одна волна за другой плавно взбѣгала на берегъ; шурша камнями, она разливалась у моихъ ногъ и оставляла за собой ослѣпительно бѣлую пѣну. Въ лучахъ заходя-

щаго солнца море играло самыми чистыми цвѣтами. Темносинія полосы чередовались съ изумрудно-зелеными, зеленыя переходили мѣстами въ розовыя или голубовато-розовыя пятна. То было отраженіе на поверхности моря пурпуровыхъ облаковъ, висѣвшихъ надъ горизонтомъ. Бодрящій морской воздухъ освѣжалъ лицо...

Очарованный, я остановился на берегу и не могъ отвести глазъ отъ

чудной картины. Я сѣлъ на одинъ изъ камней и долго сидѣлъ такъ безъ движенія, позабывши и усталость, и голодъ и поздній часъ!..

Много лѣтъ прошло съ той поры, но я никогда не забуду этихъ часовъ... Время не изгладитъ изъ моей памяти первыя впечатлѣнія, произведеннаго на меня видомъ безбрежнаго покойнаго синяго моря...

Можетъ быть, окружав-

шая обстановка содѣйствовала тому, что первое впечатлѣніе мое было особенно сильно. Въ самомъ дѣлѣ: я только что миновалъ шумное селеніе, только что оставилъ полныя жизни поля и лѣсъ и очутился теперь въ пустынной мѣстности. Вокругъ меня былъ берегъ, усѣянный голыми гальками. Здѣсь не было видно ни одного куста, ни одной травинки. Ни одно животное не бросалось въ

глаза, да если бы я его и увидѣлъ, то оно не оживило бы общей картины, а въ силу контраста еще болѣе усилило бы ощущеніе чего-то безплоднаго, мертваго. Позади по голымъ шиფернымъ скаламъ кое-гдѣ виднѣлись кустики молочая и жидкой травы. Казалось, что вся земная жизнь, къ которой мы всѣ такъ привыкли съ дѣтства осталась далеко сзади. Скудныя береговыя растенія

были послѣдними остатками, послѣдними отголосками ея. Здѣсь чувствовался ея конецъ... А впереди чуялось что-то новое, особое... Само море не было мертвымъ. Его голубая вода, его волны дышали жизнью. Но жизнью—совершенно отличной отъ земной жизни...

Этотъ морской безплодный берегъ казался мнѣ рубежомъ, черезъ который не могло переступить какъ ни одно земное, такъ и

морское существо. Онъ раздѣлялъ собою два царства: одно царство, хорошо мнѣ знакомое, я оставилъ за собою, другое царство—волшебное царство моря — лежало впереди. Его скрывалъ отъ моихъ взоровъ широкій голубой просторъ. Оно было тамъ, въ глубинѣ синихъ водъ, куда не могъ проникнуть мой взоръ, куда не могъ спуститься я самъ, но я чувствовалъ, что здѣсь, можетъ быть,

въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, начинается совершенно незнакомая мнѣ, особенная жизнь. И я жадно прислушивался къ плеску морскихъ волнъ, жадно смотрѣлъ въ голубую гладь, жадно слѣдилъ за переливами свѣта на ея поверхности...

Совсѣмъ не то впечатлѣніе производитъ море въ большомъ приморскомъ городѣ. Тамъ десятки лодокъ и всевозможныхъ судовъ бороз-

дятъ его поверхность.— Тамъ нѣтъ такого рубежа, который отдѣлялъ бы жизнь земли отъ жизни моря, нѣтъ того безплоднаго пояса, который поперемѣнно то лижутъ морскія соленыя волны, то поливаютъ потоки прѣсной воды, падающіе изъ облаковъ. Тамъ человѣкъ отчасти уже завоевалъ море. Его каменныя набережныя, по которымъ день и ночь снуетъ народъ, опускаются прямо въ волны.

Тамъ и сямъ далеко въ море вдаются молы, которые какъ бы отнимаютъ отъ моря часть его владѣній. Даже жилыя постройки людей врѣзываются мѣстами глубоко въ море. Весь берегъ моря тамъ обезображенъ и искалѣченъ и, глядя на него, уже не чувствуешь такъ, какъ на пустынномъ берегу, морской мощи...

На другой день утромъ я увидѣлъ и первыхъ морскихъ животныхъ. То бы-

ли крупныя, прозрачныя, какъ стекло, медузы. Настоящія дѣти открытаго моря. Цѣлое стадо этихъ странныхъ животныхъ окружило меня и моего пріятеля, когда мы, скинувъ платье, вошли въ голубую воду. Благодаря ихъ прозрачности, мы не замѣчали ихъ съ берега. Онѣ медленно шевелили краями своего зонтика, то удаляясь отъ насъ, то снова приближаясь. Онѣ плавно покачивались въ

водѣ, опускаясь въ глубину и опять поднимаясь на поверхность. Я въ восторгѣ схватилъ рукою одну изъ медузъ, но пока я донесъ ее до берега въ моей рукѣ, она превратилась въ безформенный комокъ студня! Настоящій житель моря не могъ вынести такой неделикатности съ моей стороны...

Послѣ того каждое утро во время купанья, погружаясь въ морскую воду, я присматривался къ окру-

жавшей меня жизни. Правда, Черное море, закрытое со всѣхъ сторонъ и только небольшимъ узкимъ и неглубокимъ проливомъ соединенное съ Средиземнымъ моремъ,— очень бѣдно животными; мнѣ приходилось ихъ искать и въ водѣ и на камняхъ, но и то, что я находилъ, своимъ разнообразіемъ и удивительнымъ видомъ доставляло мнѣ много удовольствія. Все это было совершенно осо-

бое, мало похожее на живое населеніе прѣсныхъ озеръ, прудовъ и рѣкъ.

Однако, жизнь нашихъ прѣсныхъ водъ вышла изъ моря, какъ и сами эти воды. Озера и рѣки поитъ вода, падающая на землю изъ облаковъ, но эта вода раньше поднялась въ видѣ пара съ поверхности моря. Такъ и животныя, населяющія прѣсныя воды, перешли въ нихъ когда нибудь изъ моря. Правда, при такомъ пере-

ходѣ сами животныя измѣнялись, они становились уже иными, чѣмъ прежде, но все-таки матерью всѣхъ животныхъ, населяющихъ теперь землю, были морскія воды.

Что же особеннаго въ этой водѣ, чѣмъ она отличается отъ простой рѣчной или озерной? Каждый знаетъ, что вода въ морѣ соленая и для питья не годится. Въ ней распущены, растворены многія вещества, которыхъ нѣтъ

въ прѣсной водѣ. Въ ней прежде всего есть та соль, которую мы кладемъ въ свою пищу. Эту поваренную соль во многихъ мѣстахъ добываютъ изъ моря. Если морскую воду поставить въ тарелкѣ высыхать, то при высыханіи прежде всего начнетъ осѣдать эта соль. Она покроетъ поверхность воды бѣлою корою, которую можно собрать, слегка промыть и употреблять въ пищу. У насъ въ Кры-

му добываютъ поваренную соль по берегамъ Азовскаго моря. Тамъ отъ моря отрѣзаютъ длинными плотинами небольшіе участки, въ которыхъ вода постепенно высыхаетъ и покрывается корою изъ соли. Соль вычерпываютъ большими ковшами на длинныхъ ручкахъ и отвозятъ на заводы для очистки. Вся наша крупная, кухонная соль добыта такимъ образомъ, такъ что мы можемъ ска-

зать, что море и насъ съ вами кормитъ.

Если бы морскую воду заставить высыхать дальше, то послѣ поваренной соли стали бы осѣдать изъ нея еще и другія вещества, тоже похожія на соль. Однако это не поваренная соль, а уже другія соли, въ пищу намъ не пригодныя. Изъ нихъ надо назвать первую послѣ поваренной соли: хлористый магній; затѣмъ идетъ горькая соль,

придающая горьковатый вкусъ морской водѣ; потомъ безвкусный гипсъ и, наконецъ, хлористый калій. Есть въ морской водѣ и другія соли, но ихъ очень немного. Поваренной соли всего больше; ея въ четыре раза больше, чѣмъ всѣхъ прочихъ солей, взятыхъ вмѣстѣ. Изъ двухъ большихъ бочекъ морской воды изъ Чернаго моря можно добыть больше пуда соли,

а въ водѣ открытыхъ морей ея еще больше.

Зная, какія вещества растворены въ морской водѣ, можно и обыкновенную прѣсную воду превратить въ морскую: стоитъ только подмѣшать эти вещества къ прѣсной водѣ въ нужномъ количествѣ. Такая вода будетъ искусственной морской водой, но въ ней такъ же хорошо, какъ и въ настоящей, могутъ жить нѣкоторыя морскія животныя.

Одну зиму въ такой искусственной морской водѣ у меня жили въ Петербургѣ черноморскія актиніи, морскіе цвѣты— анемоны, какъ ихъ называютъ. И дѣйствительно, актиніи при первомъ взглядѣ на нихъ напоминаютъ больше цвѣты, чѣмъ знакомыхъ вамъ животныхъ. Къ искусственной водѣ я ихъ пріучилъ постепенно, подбавляя понемногу этой воды къ настоящей, въ которой онѣ были приве-

зены. Черезъ день ихъ кормили кусочками мяса. Онѣ схватывали ихъ своими извивающимися во всѣ стороны щупальцами.

Перенесенныя въ прѣсную воду актиніи скоро умираютъ, какъ и другія морскія животныя. Происходитъ это прежде всего оттого, что морская вода тяжелѣе прѣсной, благодаря соли, которая въ ней распущена. Вы, конечно, замѣчали, что соль, брошенная въ воду, тонетъ,

потому что она тяжелѣе воды. Потому и вода, въ которой такая соль растворяется, сама тяжелѣетъ. Кто плавалъ въ морѣ и въ прѣсной водѣ, тотъ знаетъ, что плавать въ морской водѣ легче, чѣмъ въ прѣсной. Морская вода лучше держитъ человѣка, потому что она плотнѣе. Многія морскія животныя, посаженныя въ прѣсную воду, падаютъ на дно и не могутъ снова всплыть кверху. Другія

разбухаютъ въ такой водѣ, надуваются и лопаются. Все это оттого, что морская вода—тяжелая, соленая, а морскія животныя живутъ въ ней и обжились съ покону вѣковъ.

Тамъ, гдѣ большія рѣки впадаютъ прямо въ море, ихъ прѣсная вода на большомъ разстояніи отъ берега не смѣшивается съ морской. Она течетъ поверхъ морской воды, покрываетъ ее слоемъ,

и далеко отъ берега на голубыхъ волнахъ видна бываетъ мутная полоса прѣсной воды, принесенной рѣкою. Рѣка течетъ сверху моря, потому что ея вода легче соленой морской. Нерѣдко въ узкихъ морскихъ проливахъ бываетъ два теченія: одно идетъ по дну, въ одну сторону, другое—поверху, навстрѣчу ему, въ другую сторону; въ верхнемъ теченіи, вода меньше соленая, въ нижнемъ—больше

соленая. Такъ бываетъ всегда, когда морской проливъ соединяетъ два моря съ неодинаково соленой водою.

Итакъ, вы видите, что соль измѣняетъ вѣсъ воды, и потому большая часть морскихъ животныхъ не переноситъ перехода изъ морской воды въ прѣсную. Съ перемѣною вѣса воды водяныя животныя должны или погибнуть, или сами измѣниться.

Соль, растворенная въ морской водѣ, дѣлаетъ эту воду, кромѣ того, прозрачною. Поэтому рѣчная вода никогда не бываетъ такого чистаго синяго цвѣта, какъ морская. Любоваться прекраснымъ синимъ цвѣтомъ моря всегда доставляетъ большое удовольствіе. Чѣмъ глубже море, тѣмъ темнѣе его синева. Въ мелкихъ мѣстахъ оно переходитъ въ восхитительный цвѣтъ, а на отмеляхъ въ изумруд-

но-зеленый. Синій цвѣтъ горныхъ озеръ и рѣкъ всегда кажется мутнымъ сравнительно съ цвѣтомъ морской воды.

Однако, какъ бы ни была прозрачна морская вода, солнечные лучи, проходя въ глубину ея, мало-помалу слабѣютъ и, наконецъ, совсѣмъ замираютъ. Такимъ образомъ дневной свѣтъ освѣщаетъ въ моряхъ лишь верхній слой воды, примѣрно на двѣсти саженъ глубины. Дальше не пробивается ни одного луча свѣта, и тамъ царствуетъ вѣчный сумракъ. Однако, не надо думать, что тамъ совершенно темно; и тамъ есть свѣтъ, но свѣтъ не дневной, а особенный, хотя и очень слабый. Этотъ слабый, мерцающій голубоватый свѣтъ струится отъ самихъ животныхъ.... Вы видѣли, конечно, „Ивановыхъ червячковъ“,—небольшихъ невзрачныхъ жуковъ, кото-

рые ночью свѣтятся зеленоватыми огоньками. Ивановы червячки зажигаютъ

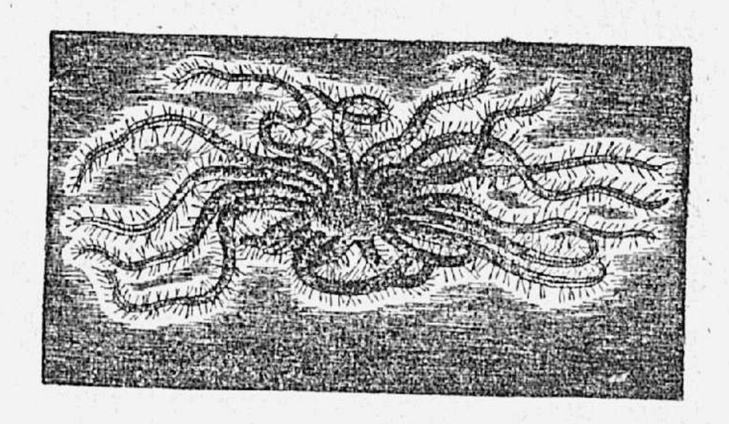

Рис. 1. Свѣтящаяся морская звѣзда.

и тушатъ свои фонарики по своему желанію. Обыкновенно, если взять жука въ руку, онъ тухнетъ,

но успокоившись онъ снова начинаетъ свѣтить, привлекая своимъ свѣтомъ другихъ такихъ же жуковъ. Южные Ивановы червячки свѣтятъ сильнѣе, чѣмъ наши. Тамъ въ теплыя іюньскія ночи они вьются между кустами и возлѣ деревьевъ, тихо носясь въ воздухѣ, какъ блестящія зеленыя искорки. Самые жуки въ темнотѣ незамѣтны, видны только ихъ фонарики, и если ихъ много, то они

напоминаютъ собою настоящій дождь изъ сверкающихъ звѣздочекъ. Такъ же свѣтятся на большой глубинѣ и многія морскія животныя. Этотъ свѣтъ очень слабъ, но для животныхъ, привыкшихъ къ темнотѣ, и этого свѣта достаточно.

Прѣсная вода всегда бываетъ меньше прозрачна чѣмъ морская. Въ нее дневной свѣтъ проникаетъ еще меньше, а на глубинѣ не живетъ свѣтящих-

ся животныхъ. Здѣсь уже царствуетъ полный мракъ. Прѣсныя озера никогда впрочемъ не бываютъ такъ глубоки, какъ моря. Самыя глубокія изъ нихъ можно назвать въ сравненіи съ морями—лужами. Глубина сибирскаго Байкальскаго озера мѣстами доходитъ до одной версты слишкомъ, между тѣмъ въ океанахъ глубина достигаетъ до четырехъ и шести верстъ, а въ Тихомъ океанѣ возлѣ Япо-

ніи нашли глубину даже въ девять верстъ. Это такая глубина, что самая высокая гора въ мірѣ скрылась бы здѣсь своею вершиною. На днѣ океановъ подъ водою могутъ стоять такія же громадныя горы какъ на сушѣ. Мы ихъ не видимъ, онѣ не выступаютъ изъ воды и не нарушаютъ морского простора. Такъ великъ океанъ!

Какъ солнечный свѣтъ, такъ и тепло не прони-

каютъ глубоко въ воду. Солнце прогрѣваетъ только верхній тонкій слой воды. Зимою этотъ слой снова охлаждается, но холодная вода не можетъ оставаться поверхъ теплой, потому что она плотнѣе, тяжелѣе теплой воды. Она уходитъ книзу, на дно. Здѣсь происходитъ тоже самое, что въ теплой ваннѣ, въ которую вы льете холодную воду. Холодная вода, прежде чѣмъ успѣетъ

смѣшаться съ теплой, падаетъ на дно. Вотъ почему тамъ, гдѣ зимой бываетъ холодно, вода на большой глубинѣ также бываетъ холодною. Эта студеная вода изъ холодныхъ странъ растекается ровнымъ слоемъ по дну всего океана: на большой глубинѣ въ океанахъ вода течетъ съ сѣвера и юга къ экватору.

Такимъ же образомъ въ теплыхъ моряхъ верхній слой воды, сильно

нагрѣтый солнцемъ, не стоитъ на мѣстѣ, а растекается въ стороны. Теплая вода уходитъ отсюда въ болѣе холодныя моря. Такъ происходятъ два главныхъ теченія океановъ: одно холодное, нижнее, изъ холодныхъ въ жаркія страны, другое теплое, верхнее,— изъ теплыхъ въ холодныя страны. Значитъ, вода въ океанахъ никогда не стоитъ покойно, какъ въ мелкихъ озерахъ. Она,

не останавливаясь, течетъ и въ ту, и въ другую сторону.

Эти широкіе потоки воды, названные морскими теченіями, омываютъ берега разныхъ странъ, принося въ однѣ страны прохладу, въ другія тепло. Одно изъ такихъ теченій, идущихъ съ юга, проходитъ берегами Европы. Отъ него вѣетъ теплымъ воздухомъ, и поэтому въ Западной Европѣ

бываетъ зимою теплѣе чѣмъ у насъ въ Россіи.

Моряки хорошо знаютъ морскія теченія и пользуюся ими, какъ мы на сушѣ пользуемся рѣками. Также пользуются морскими теченіями и морскія животныя для своихъ переселеній. Стада медузъ и другихъ плавающихъ на поверхности моря животныхъ отдаютъ себя на волю теченій. Вмѣстѣ съ водою они путешествуютъ къ сѣверу и югу, а погру-

жаясь въ глубину, снова возвращаются къ теплымъ морямъ.

Въ моряхъ, на большой глубинѣ, вода всегда холоднѣе чѣмъ въ озерахъ, потому что озерную прѣсную воду нельзя остудить такъ сильно, какъ морскую, соленую: она превратится въ ледъ. Опять, значитъ, соль дѣлаетъ морскую воду иною. Она измѣняетъ тяжесть воды, прозрачность и цвѣтъ, она же измѣняетъ и ско-

рость ея замерзанія. Соленую воду надо охладить сильнѣе, чѣмъ прѣсную, чтобы она начала замерзать. Можно сказать, что въ моряхъ вода никогда не замерзаетъ, потому что она не успѣваетъ достаточно охладиться, прежде чѣмъ опустится на дно. На днѣ океановъ вода можетъ быть такъ холодна, что замерзла бы тотчасъ, если бы въ ней не было соли.

Вы видите, такимъ об-

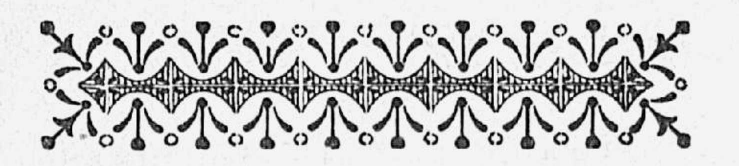
разомъ, что у морской соленой воды есть много преимуществъ передъ озерной, прѣсной. Но главное преимущество моря для жизни въ немъ различныхъ существъ это его громадная величина — и въ ширину и въ глубину. Почти три четверти земного шара заняты моремъ. Оно тянется вокругъ суши на тысячи верстъ. У него нѣтъ конца, потому что оно покрываетъ земной шаръ со всѣхъ сто-

ронъ. Суша кажется большими островами среди безбрежнаго океана. Мѣстами океанъ далеко вдается въ сушу глубокими заливами. Эти заливы мы также называемъ морями. Такъ, Черное море, какъ оно ни велико,—есть только глухой заливъ другого болѣе обширнаго, Средиземнаго моря. Средиземное море есть тоже заливъ Атлантическаго океана,—того океана, который омываетъ берега Европы.

*

Такого простора, какъ въ океанѣ, не найти на сушѣ. Только здѣсь на просторѣ могла развернуться жизнь во всей своей широтѣ.

II.

Жизнь моря. Особенности морскихъ животныхъ.

Красиво море въ ясный и тихій лѣтній день. Косые лучи солнца, склоняющагося къ закату, почти не погружаются въ воду. Они блестятъ на безконечномъ водяномъ пространствѣ и вспыхи-

ваютъ дрожащими искрами на гребешкахъ мелкихъ волнъ. Эти волны, которыя кое-гдѣ рябятъ морскую поверхность, будитъ легкій вѣтеръ, спускающійся по вечерамъ въ море съ сосѣдняго берега. Далеко впереди морская рябь съ сизою дымкою, закрывающею горизонтъ, такъ что глазъ не можетъ отличить, гдѣ кончается море и гдѣ начинается небо, а возлѣ васъ, въ тѣни береговыхъ скалъ и

утесовъ, куда не хватаетъ вѣтромъ, вода такъ спокойна, какъ зеркало, такъ прозрачна, какъ самое чистое стекло. Здѣсь вашъ взоръ отличаетъ на днѣ каждый камешекъ, каждое морское растеніе, пышно распустившее въ водѣ свои зеленые, бурые или красные листья.

Пріятно въ такой вечеръ свѣситься черезъ бортъ лодки возлѣ берега, наклониться къ морю и смотрѣть въ его прозрач-

ную голубую воду. Вонъ на длинной морской травѣ сидитъ ярко красная,

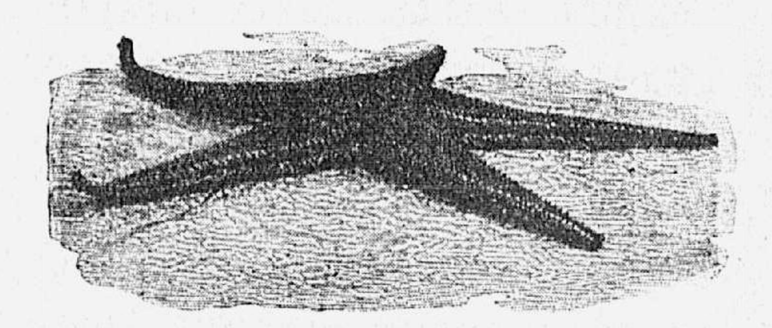

Рис. 2. Несвѣтящаяся морская звѣзда.

какъ кумачъ, морская звѣзда; она прицѣпилась къ растеніямъ своими безчисленными крохотными ножками. Вода такъ про-

зрачна, что вамъ видны даже причудливые узоры на кожѣ животнаго. Хозяинъ лодки ловко опускаетъ въ воду длинную палку съ вилкою на концѣ, загнутою крючкомъ, чтобы достать звѣзду. Но едва палка коснулась травы, какъ вы замѣчаете цѣлую стайку зеленыхъ полосатыхъ рыбокъ. Благодаря своему цвѣту, онѣ совсѣмъ непримѣтно скрывались раньше въ травѣ. Не успѣваете вы хоро-

шенько взглянуть на этихъ, вдругъ вынырнувшихъ откуда-то рѣзвыхъ рыбешекъ, какъ вашъ взоръ привлекаетъ къ себѣ новое, еще болѣе странное животное, тоже остававшееся раньше незамѣтнымъ. Это большая каракатица, остановившаяся въ тѣни вашей лодки. Она смотритъ на опущенную въ воду палку большими глазами, вытянувъ впередъ пучекъ своихъ толстыхъ щупалецъ съ круп-

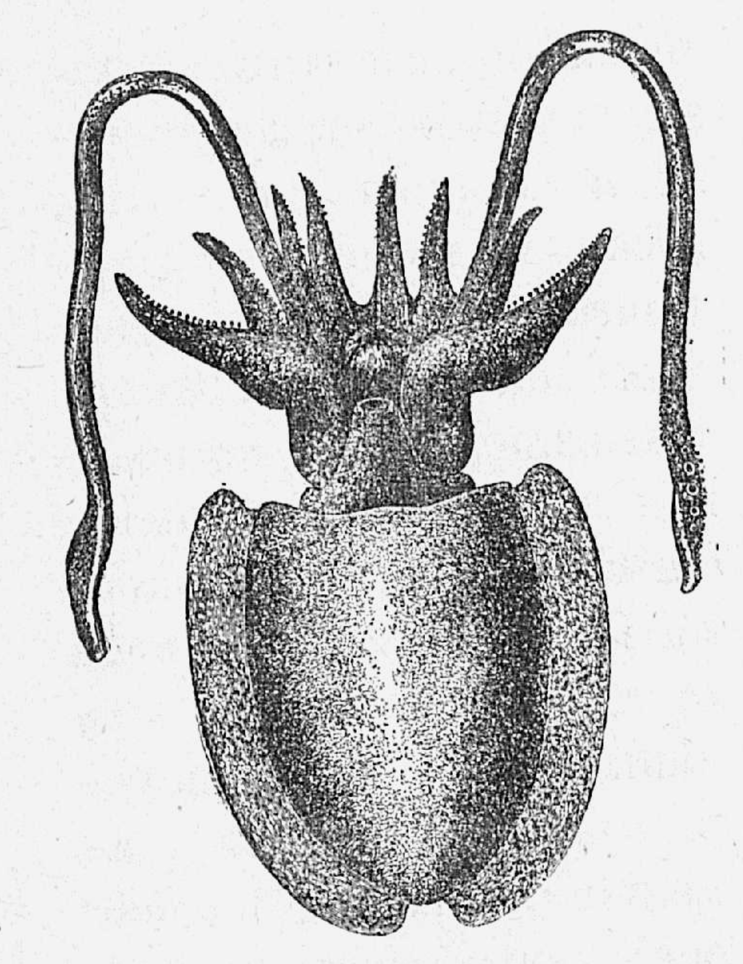

Рис. 3. Каракатица.

ными присосками. Края ея сжатаго тѣла окаймлены тонкою оторочкою, нѣжнымъ плавникомъ, который быстро волнуется. Вамъ отчетливо видны всѣ складочки, пробѣгающія по его поверхности. Забывъ о звѣздѣ, вы хотите приблизить палку къ каракатицѣ—и вдругъ на вашихъ глазахъ происходитъ удивительное превращеніе: животное сразу измѣняетъ свой цвѣтъ. Раньше оно было свѣт-

лаго песочнаго цвѣта, а теперь, испугавшись палки, сдѣлалось малиново-бурымъ. Одно движеніе палки,—и вы видите еще болѣе странное явленіе: каракатица, какъ стрѣла отскакиваетъ назадъ и въ то же время выбрасываетъ изъ себя струю темной жидкости. Эта жидкость чернымъ непрозрачнымъ облакомъ расходится въ водѣ и скрываетъ отъ васъ на нѣкоторое время всѣ предметы на днѣ мо-

ря. Вы ждете, пока чернила разойдутся и вода просвѣтлѣетъ, но каракатицы уже нѣтъ. Подъ защитою выброшенной изъ себя туши она успѣла незамѣтно уплыть и теперь навѣрное гдѣ нибудь спряталась между камнями или закопалась въ песокъ, снова принявъ его цвѣтъ.

Между тѣмъ хозяинъ обращаетъ ваше вниманіе на новое животное, совсѣмъ прозрачное, въ видѣ плоской ленты вершка

въ два длиною, которая медленно извивается возлѣ самой лодки, переливаясь при этомъ всѣми цвѣтами радуги. Это — веперинъ поясъ. Вы можете его зачерпнуть вмѣстѣ съ водою ведеркомъ, привезти домой и вдоволь налюбоваться его плавными, граціозными движеніями. Но едва вы начинаете всматриваться, какъ замѣчаете и другихъ подобныхъ же животныхъ, такихъ же прозрачныхъ и

такихъ же странныхъ. Всѣ они проносятся одинъ за другимъ подъ вашею лодкою въ верхнемъ слоѣ воды. Одни изъ нихъ далеко распустили свои тонкія щупальцы, окрашенныя въ чудный синій или красный цвѣтъ, другія сами свѣтятся голубоватымъ цвѣтомъ, третьи совершенно безцвѣтны и такъ прозрачны, что при самомъ внимательномъ всматриваніи въ воду вы едва-едва различаете ихъ фор-

му. Все это кажется такимъ разнообразнымъ, необыкновеннымъ, что вы не можете оторваться отъ воды, пока лодочникъ не напомнитъ вамъ о возвращеніи на берегъ.

Такъ иногда проводилъ я часъ за часомъ въ лодкѣ возлѣ берега моря, во время ловли животныхъ, наблюдая за ихъ жизнью. Уже въ сумерки мы возвращались домой съ богатою добычею въ банкахъ и ведрахъ и принимались

за разборку и разсадку ея по акваріумамъ.

За береговыми животными легче наблюдать, чѣмъ за тѣми, которыя держатся вдали отъ береговъ или на большой глубинѣ. Но не у всякаго берега любятъ они селиться. Тамъ, гдѣ дно моря возлѣ берега покрыто гальками, мелкими отточенными водою камнями или крупнымъ пескомъ, гдѣ при каждомъ волненіи песчинки и галь-

ки перекатываются съ мѣста на мѣсто,—тамъ мало животныхъ. Въ такихъ мѣстахъ море можетъ показаться мертвымъ. Наоборотъ, возлѣ скалистыхъ береговъ, гдѣ дно покрыто крупными неподвижными угловатыми камнями, морскія воды полны жизни. Тамъ не только въ водѣ, но даже и надъ водою вы можете встрѣтить удивительныхъ морскихъ животныхъ.

*

Вы, можетъ быть, знаете, что вода въ океанѣ то приливаетъ къ берегамъ, то уходитъ отъ нихъ.

Эти морскіе приливы и отливы па земномъ шарѣ вызываются вліяніемъ на землю луны и солнца. Во время приливовъ вода поднимается у берега и затопляетъ его. Во время отлива берегъ снова выступаетъ изъ воды. Тамъ, гдѣ приливы бываютъ высокими и берегъ пологъ, интересно слѣдить, сидя

на берегу, какъ во время отлива струи воды, извиваясь между камнями, сбѣгаютъ въ море. Вода быстро на вашихъ глазахъ стекаетъ съ берега, камни, одинъ за другимъ, выступаютъ изъ воды, берегъ растетъ, расширяется, на поверхности моря появляются островки, маленькія бухточки мало-по-малу превращаются въ озерки и лужи съ морскою водою, острова соединяются одинъ съ

другимъ, далеко въ море выбѣгаютъ отмели и весь видъ берега на вашихъ глазахъ измѣняется.

На этихъ камняхъ, высунувшихся теперь изъ воды, прикрѣпилось множество странныхъ животныхъ. Одни изъ нихъ покрыты, какъ щитомъ, очень крѣпкою раковиной. Края ея такъ плотно прижаты къ камню, что снять животное съ камня удается съ трудомъ. Подъ своею раковиной оно чув-

ствуетъ себя въ безопасности. Подъ ней осталось немного воды, которая не успѣетъ высохнуть, пока новый приливъ не покроетъ опять эти камни. Въ Крыму этихъ животныхъ зовутъ черепашками. Они сродни нашимъ улиткамъ, но раковина у нихъ не завитая, а плоская въ видѣ низкаго колпачка или блюдечка. Бѣдняки мѣстами собираютъ ихъ себѣ на ѣду. Они отпра-

вляются во время отлива на берегъ, лазаютъ по камнямъ, отыскивая на нихъ черепашекъ, которыхъ ловко сколупываютъ кончикомъ ножа и складываютъ въ корзинки.

Другое животное еще болѣе привыкло жить на камняхъ и скалахъ, выступающихъ изъ воды во время отливовъ. Черепашка еще можетъ переползать съ мѣста на мѣсто, это же животное сидитъ совершенно неподвижно.

Оно тоже покрыто раковиной, — раковиной совершенно бѣлаго цвѣта, —

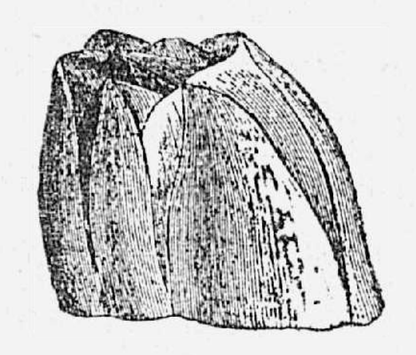

Рис. 4. Морской желудь.

но раковина эта не сплошная, какъ у черепашекъ, а можетъ на своей верхушкѣ раскрываться. Когда вода покрываетъ

камни, раковина раскрывается и изъ нея выставляется цѣлый пучекъ ножекъ или усиковъ въ родѣ султана изъ перьевъ или въ родѣ руки съ растопыренными и согнутыми пальцами. Этихъ животныхъ называютъ морскими желудями, хотя на желуди они мало похожи. Они быстро работаютъ, машутъ своими ножками, загребая ими воду, а вмѣстѣ съ водою и все, что въ ней пла-

ваетъ. Все это идетъ имъ въ пищу. Во время отлива морскіе желуди прячутъ свои ножки въ рако-

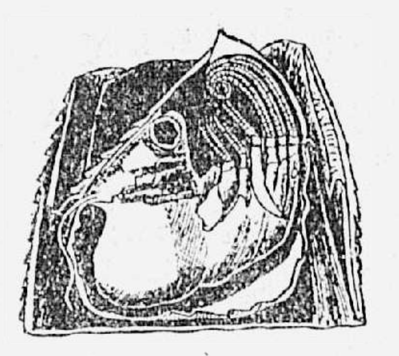

Рис. 5. Морской желудь въ разрѣзѣ.

вину и плотно закрываютъ ее, чтобы вода въ ней не высохла.

Есть плоскіе круглые раки, которые очень лю-

бятъ выползать изъ воды на камни и грѣться на солнцѣ. Они крѣпко дер-

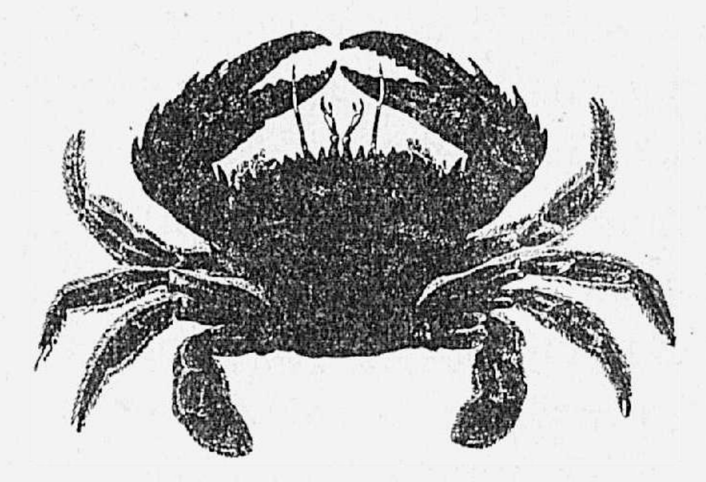

Рис. 6. Крабъ.

жатся своими цѣпкими лапами за неровности камней. Морскія волны, ударяющіяся о берегъ,

обдаютъ ихъ брызгами. Эти береговые крабы, какъ ихъ называютъ, удивительно проворно и уморительно бѣгаютъ бокомъ и при первой опасности снова убѣгаютъ подъ воду.

Въ лужицахъ, остающихся на берегу послѣ отлива, гдѣ всегда ползаетъ множество улитокъ, попадаются другіе очень забавные раки, живущіе въ пустыхъ раковинкахъ этихъ улитокъ. Это—раки-отшельники. Раки-от-

шельники не такъ проворны, какъ крабы. Они

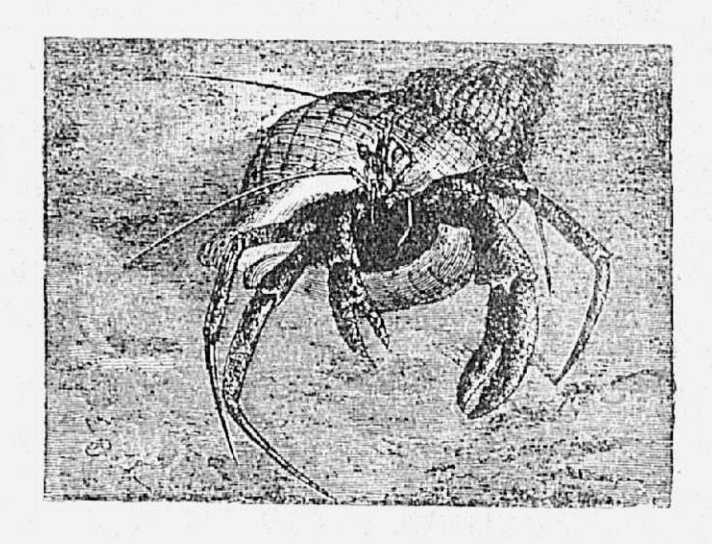

Рис. 7. Ракъ-отшельникъ.

неуклюже бѣгаютъ по дну, перелѣзая съ камня на камень и таская за собою раковину. При опа-

сности они прячутся внутрь ея, выставляя изъ нея только свою усатую мордочку и сильные клешни. Ракъ-отшельникъ, вынутый изъ раковины, имѣетъ очень жалкій видъ. Его тѣло не покрыто такимъ сплошнымъ твердымъ панцыремъ, какъ тѣло нашего рѣчного рака или краба. Хвостъ его нѣжный и мягкій; и этотъ-то хвостъ онъ трусливо прячетъ и убѣгаетъ отъ каждаго встрѣчнаго жи-

вотнаго. Зато, какъ только онъ найдетъ пустую раковину и влѣзетъ въ нее, поведеніе его сейчасъ же мѣняется. Жалкій трусъ превращается въ задорнаго храбреца, который лѣзетъ драться съ каждымъ другимъ ракомъ. Онъ смѣло выставляетъ изъ раковины и растопыриваетъ свои крѣпкія клешни, прекрасно зная, что его голова и грудь, не въ примѣръ хвосту, прикрыты твердымъ пан-

царемъ. Кучка мелкихъ раковъ-отшельниковъ, посаженныхъ въ чашку съ морскою водою, своимъ воинственнымъ видомъ и уморительными ссорами доставятъ вамъ много удовольствія.

Между черепашками, морскими желудями, крабами и другими животными есть такія, которыя всегда держатся подъ водою. Даже большая часть ихъ никогда не покидаетъ воды, но это

уже не тѣ черепашки или морскіе желуди, а другія породы ихъ. Однѣ породы морскихъ желудей могутъ селиться на камняхъ, выступающихъ при отливахъ изъ воды и долго переносить засуху; другія же умираютъ, если выставить ихъ на открытый воздухъ. Такъ и между раками-отшельниками есть разныя породы, живущія то глубже, то мельче, однѣ въ однихъ условіяхъ жизни, другія—

въ другихъ. Очень мало такихъ животныхъ, которыя могли бы жить на очень различной глубинѣ, и каждая глубина имѣетъ своихъ собственныхъ жителей. Какъ на горахъ на различной высотѣ растутъ разныя породы растеній, такъ и въ моряхъ на различной глубинѣ живутъ разныя породы животныхъ. Все это потому, что съ перемѣной глубины перемѣняются и условія жизни живыхъ

*

существъ. Если бы они хотѣли перейти изъ глубокихъ мѣстъ въ мелкія, то должны были бы привыкнуть къ другимъ условіямъ жизни, измѣнить же свои старыя привычки можетъ не всякое животное или растеніе. На небольшую глубину хорошо проходитъ въ воду дневной свѣтъ, и поэтому на такой глубинѣ много зеленыхъ водяныхъ растеній. Эти растенія не могли бы жить

въ водѣ глубже, гдѣ меньше свѣта. Свѣтъ сдѣлался для нихъ необходимымъ условіемъ жизни. Безъ него они не могутъ питаться, какъ слѣдуетъ, чахнутъ и умираютъ. Есть много животныхъ, которыя питаются такими растеніями. Значитъ и они не могли бы жить на большей глубинѣ.

На небольшой глубинѣ, возлѣ береговъ, условія жизни представляютъ много удобствъ. Здѣсь много

свѣта и воздуха, сюда къ берегу морскія волны изъ открытаго моря, а рѣки съ суши приносятъ множество сора, множество мертвыхъ растеній и трупы животныхъ, которыми питаются разные морскіе обитатели; здѣсь, наконецъ, въ теплое время года, вода нагрѣвается солнцемъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Но, какъ худо безъ добра, такъ и добро безъ худа рѣдко бываютъ. Тутъ, на-

примѣръ, во время прибоя волны съ силой набѣгаютъ на берегъ и разбиваются о него тысячами брызгъ. Поэтому между живущими здѣсь животными очень мало плавающихъ, если не считать рыбъ. Почти всѣ они или медленно ползаютъ по дну, или проводятъ всю жизнь на одномъ мѣстѣ, плотно прикрѣпившись къ какому нибудь камню.

Неподвижный или сидячій образъ жизни вызы-

ваетъ у животныхъ удивительныя перемѣны. Можетъ быть растенія только потому своимъ видомъ такъ сильно отличаются отъ знакомыхъ вамъ животныхъ, что они прикрѣплены на всю жизнь къ одному мѣсту своими корнями. По крайней мѣрѣ неподвижно сидячія животныя часто на первый взглядъ очень напоминаютъ растенія. Въ морѣ ихъ много; въ прѣсныхъ водахъ—ихъ мало, да и

тѣ, которыя здѣсь живутъ, жили раньше въ морской водѣ, а изъ нея

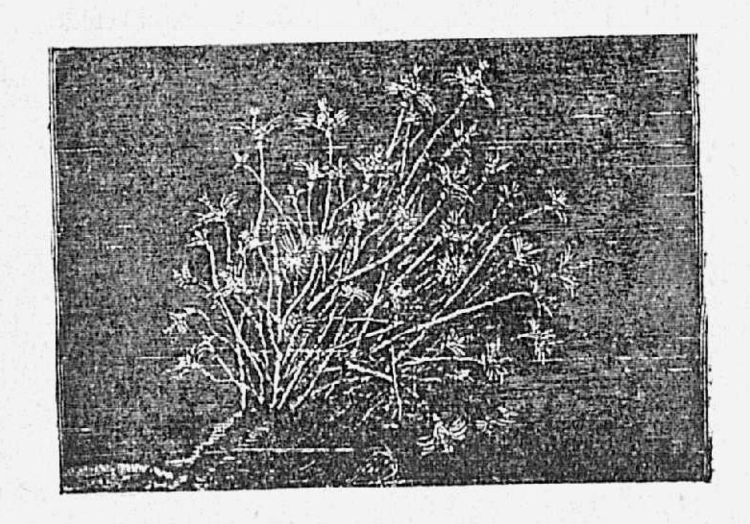

Рис. 8. Колонія гидроидовъ.

переселились затѣмъ въ рѣки и озера.

У прикрѣпленныхъ жи-

вотныхъ прежде всего измѣняются или исчезаютъ всѣ тѣ части тѣла, при помощи которыхъ они раньше ползали или плавали, напримѣръ — ноги. У морскихъ желудей ноги измѣнились такъ, что стали похожими на пучекъ усиковъ и уже не могутъ служить ногами. Множество нѣжныхъ мелкихъ ножекъ красивыхъ морскихъ лилій— превратились въ жабры. У многихъ морскихъ раковинъ, напримѣръ, у устрицъ, которыя еще въ молодости неподвижно прирастаютъ къ морскому дну, ноги остаются маленькими и слабыми; устрица не можетъ уже выставлять свою ногу изъ раковины и ползать.

Если бы человѣкъ попробовалъ съ годъ просидѣть или пролежать на одномъ мѣстѣ, не двигая ногами, то и его ноги стали бы также слабы; онъ не могъ бы ходить,

а вѣдь прикрѣпленныя животныя остаются на одномъ мѣстѣ въ продолженіе всей своей жизни. Такъ жили ихъ родители, ихъ предки, такъ же будутъ жить и ихъ потомки. Немудрено поэтому, что ноги ихъ малопо-малу такъ измѣнились.

За то вмѣсто ногъ у сидячихъ животныхъ развиваются руки или щупальцы; они служатъ имъ, чтобы хватать пищу, — другихъ болѣе мелкихъ

обитателей моря. Они широко распускаютъ въ водѣ эти щупальцы и ждутъ, пока не проплыветъ мимо ихъ жертва. Тогда щупальцы ловко обвиваются вокругъ нея, какъ змѣи, крѣпко схватываютъ ее и тащатъ въ ротъ.

Многія сидячія животныя, вмѣсто того чтобы ловить пищу щупальцами или руками, просто втягиваютъ въ себя воду. Вмѣстѣ съ водою притекаетъ къ нимъ и ихъ пи-

ща. Они какъ бы процѣживаютъ воду. Питаются они обыкновенно уже мертвыми остатками растенiй и животныхъ, опускающимися сверху моря на дно. Это настоящiе цѣдильщики морской воды, которые, надо сказать, приносятъ большую пользу. Они очищаютъ эту воду отъ всякаго мелкаго сора. Если бы не они, то этотъ соръ гнилъ бы и портилъ бы воду. Въ тѣхъ моряхъ, гдѣ ихъ нѣтъ, вода на

небольшой глубинѣ загниваетъ. Тамъ не могутъ жить крупныя животныя, и море кажется мертвымъ.

Сидячiя животныя не могутъ передвигаться; поэтому имъ не нужно ни глазъ, ни слуха, чтобы замѣчать свою добычу и враговъ: они не могутъ ни гнаться за добычей, ни убѣгать отъ врага. Вотъ почему ни глазъ, ни органовъ слуха у нихъ обыкновенно и не бываетъ. Природа очень эко-

номна: она не любитъ ничего лишняго. Все, что лишне, въ природѣ исчезаетъ. Такъ и глаза у сидячихъ животныхъ. Когда они перестаютъ двигаться и становятся сидячими, глаза ихъ перестаютъ развиваться и мало-по-малу пропадаютъ.

Надо сказать однако, что всѣ водяныя животныя видятъ довольно плохо. Они замѣчаютъ обыкновенно только тѣ предметы, которые движутся.

Поэтому сидячій, неподвижный образъ жизни приноситъ слабымъ животнымъ еще иную пользу: ихъ не замѣчаютъ другія животныя.

Населеніе моря, какъ и земли, не живетъ между собою въ мирѣ, потому что всегда одни живутъ насчетъ другихъ. Хищныя животныя всегда питаются болѣе мелкими или слабыми, а послѣднія защищаются противъ нихъ, чѣмъ только могутъ. У

многихъ медленно ползающихъ животныхъ тѣло покрыто очень твердою раковиною, въ которую они могутъ прятаться при опасности. Также точно и у сидячихъ, какъ у морскихъ желудей, бываетъ иногда такая же раковина. Другія сидячія животныя своимъ видомъ напоминаютъ растенія и потому совсѣмъ не бросаются въ глаза. Хищники проплываютъ нимо нихъ, не замѣчая ихъ. Для слабыхъ

животныхъ такой способъ защиты представляетъ много удобствъ: здѣсь не надо никакихъ усилій, и самое слабое изъ нихъ такимъ способомъ можетъ избѣжать опасности безъ всякихъ хлопотъ.

Среди животныхъ на землѣ, многія имѣютъ такой цвѣтъ, что ихъ трудно замѣтить, если они притаятся. Зеленые попугаи совсѣмъ незамѣтны среди яркой зелени южныхъ деревьевъ. Сѣрый зайка къ

зимѣ становится бѣлымъ, какъ снѣгъ. Нашъ пестрый рябчикъ, если захочетъ спрятаться отъ охотника или отъ ястреба, такъ прижимается къ стволу или къ суку елки, что увидѣть его совсѣмъ невозможно. Такія животныя и безъ шапки-невидимки становятся невидимками. Такъ и въ моряхъ животныя пользуются своимъ цвѣтомъ и видомъ, чтобы становиться мало замѣтными и ухо-

дить отъ опасности. Многія морскія плоскія рыбы имѣютъ цвѣтъ песка. Онѣ очень любятъ неподвижно лежать на пескѣ и тогда совершенно незамѣтны. Есть между ними и такія, которыя могутъ измѣнять свой цвѣтъ, смотря по цвѣту морского дна.

Животныя, держащіяся на небольшой глубинѣ, очень часто бываютъ ярко-краснаго или ярко-оранжеваго цвѣта. Казалось бы, что такой яркій цвѣтъ

дѣлаетъ ихъ очень замѣтными. Но на дѣлѣ выходитъ какъ разъ наоборотъ. Красный или оранжевый цвѣтъ на такой глубинѣ кажется темнымъ и тусклымъ; здѣсь онъ слабѣе замѣтенъ, чѣмъ другой цвѣтъ. Это зависитъ отъ зеленовато-синяго цвѣта самой морской воды. На такой глубинѣ дневной бѣлый свѣтъ кажется зеленовато-синимъ, а при такомъ свѣтѣ красный цвѣтъ незамѣтенъ. Если вы на-

дѣнете на лампу вечеромъ синее стекло, то вы сами замѣтите, какъ всѣ желтые и красные предметы поблѣднѣютъ. Поэтому-то и лица людей при такомъ свѣтѣ кажутся блѣднѣе. Наоборотъ, зеленые и синіе предметы покажутся вамъ тогда болѣе яркими.

Жизнь въ морѣ не то, что на землѣ. Въ ней много особенностей. Поэтому и цвѣтъ морскихъ животныхъ долженъ быть иной. Я уже упоминалъ

вамъ о прозрачныхъ морскихъ животныхъ. Такія животныя есть только въ моряхъ. Плаваютъ они всегда въ открытомъ морѣ и никогда не опускаются на дно. Это ужъ настоящія „невидимки“. Кромѣ того, и плаваютъ они часто совершенно особымъ способомъ. Они вбираютъ въ себя воду и потомъ съ силою выталкиваютъ ее. Выброшенная струя воды толкаетъ животное въ обратную сторону. Такое

плаваніе можно было бы сравнить съ полетомъ ракеты, еслибы ракета двигалась отдѣльными толчками. Ракета летитъ потому, что изъ нея съ силою вылетаютъ газы, которые образуются отъ горѣнія пороха. Когда вспыхиваетъ порохъ въ заряженномъ ружьѣ, пуля выталкивается газами изъ ствола. Въ ракетѣ сама ракета служитъ пулею. Такимъ же образомъ и эти животныя толкаютъ

себя впередъ, выбрасывая изъ себя струю воды.

Морскія животныя для того, чтобы переплыть съ мѣста на мѣсто, часто пользуются морскими теченіями. Морская вода несетъ ихъ съ собою, какъ всякіе другіе предметы. Вѣсъ такихъ животныхъ не болѣе вѣса морской воды. Поэтому-то они и не опускаются на дно. Впрочемъ многія плавающія животныя могутъ по своему желанію измѣнять

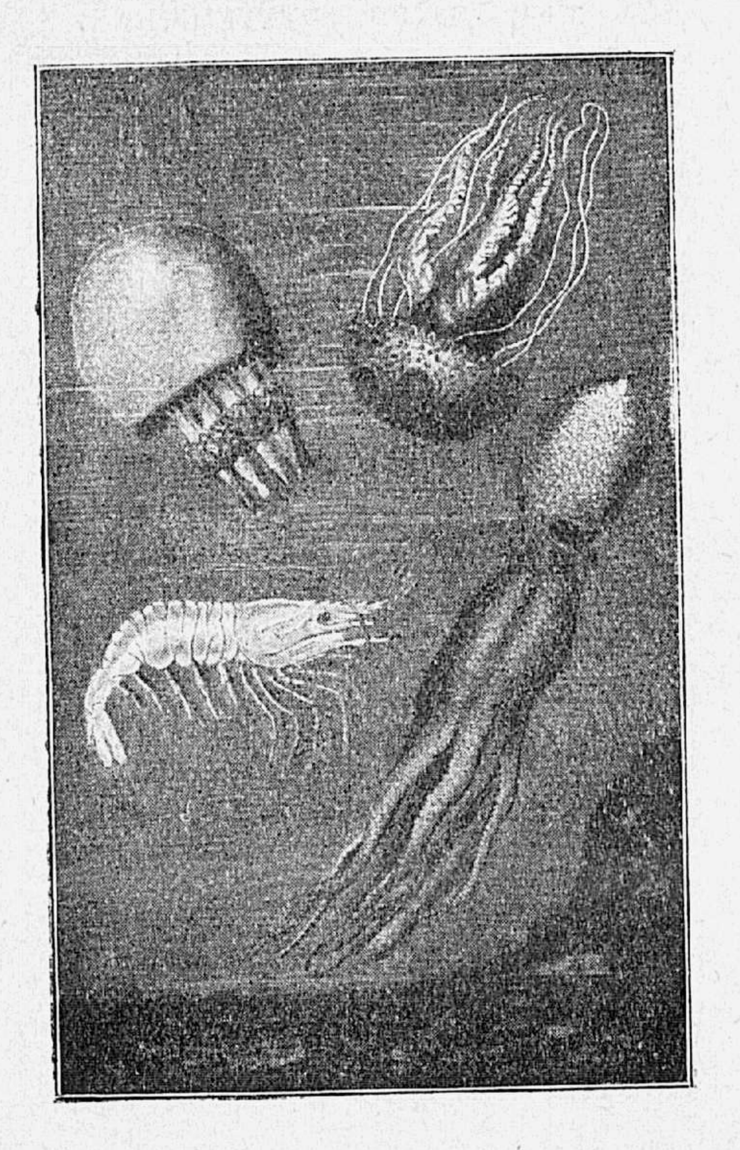

Рис. 9. Морскіе обитатели: 1) Креветка; 2) Осминогъ; 3) Корнеротъ; 4) Медуза.

свой вѣсъ: становиться то тяжелѣе воды, то легче. Если они становятся тяжелѣе, то опускаются въ глубину; если становятся легче, то снова поднимаются кверху. Нѣкоторыя изъ морскихъ животныхъ, не любящихъ дневного свѣта, каждый вечеръ такимъ образомъ выплываютъ на поверхность моря и каждое утро снова опускаются книзу.

Плавающія на поверхности моря животныя

имѣютъ еще одинъ удивительный способъ для передвиженія. Они пользуются вѣтромъ. Ихъ можно сравнить съ кораблями или парусными лодками. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ для этого настоящіе паруса, которые торчатъ надъ водой; другія могутъ даже убирать эти паруса по своему желанію и снова поднимать ихъ. Конечно, парусами служатъ для

нихъ части ихъ собственнаго тѣла.

Одно изъ такихъ очень интересныхъ животныхъ названо по имени древнихъ греческихъ мореходовъ, плававшихъ на кораблѣ Арго, аргонавтомъ. Аргонавтъ строитъ для себя удивительно красивую тонкую раковину вродѣ короткой глубокой лодочки. Въ ней аргонавтъ плаваетъ въ тихую погоду по поверхности моря. Онъ сидитъ

въ ней, какъ въ удоб-

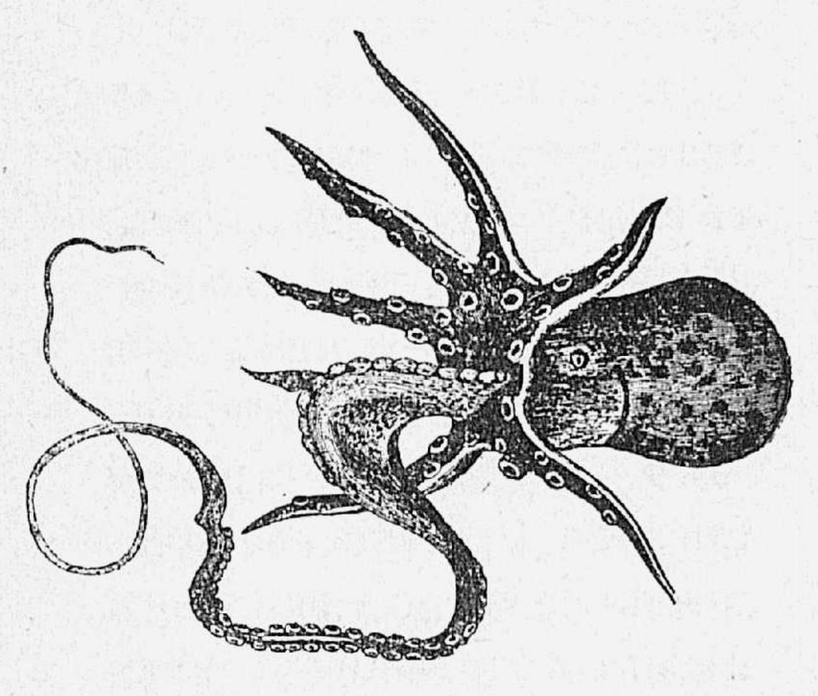

Рис. 10. Аргонавтъ.

номъ креслѣ, выставивъ изъ раковины свою боль-

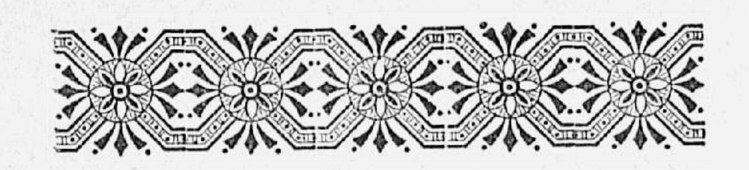
шую голову съ большими глазами и сильными щупальцами. Два изъ этихъ щупалецъ расширены и служатъ ему парусомъ. Если нужно, онъ поднимаетъ свой парусъ и быстро плыветъ по вѣтру. Въ случаѣ опасности аргонавтъ переворачиваетъ свою лодочку, вода заливается черезъ края раковины внутрь, и все животное вмѣстѣ съ раковиной какъ ключъ падаетъ на дно. Подъ водою арго-

навты плаваютъ толчками, вбирая и снова выбрасывая изъ себя воду; на поверхности моря они пользуются вѣтромъ и распускаютъ свой парусъ.

Нельзя разсказать о всѣхъ удивительныхъ особенностяхъ морскихъ животныхъ. Онѣ слишкомъ разнообразны. Жизнь на землѣ кажется бѣдною въ сравненіи съ жизнью въ морѣ. И не мудрено, потому что она представляетъ лишь слабый отго-

лосокъ жизни въ морѣ. Мой разсказъ, конечно, очень кратокъ, но если онъ заинтересовалъ васъ, то вы уже сами пополните его, когда вамъ случится пожить на берегу южнаго моря.

III.

Средиземное море.

Далеко къ югу отъ насъ за широкою русскою равниною поднимаются къ небу высокія горы, а за ними голубою полосою протянулось съ запада на востокъ Средиземное море. Его окружаютъ берега трехъ материковъ стараго Свѣта:

*

съ сѣвера мягкая Европа, съ юга знойная Африка, съ востока суровая Азія. Глубокими заливами врѣзывается это море въ свои берега, а берега длинными полуостровами выбѣгаютъ къ нему навстрѣчу. Въ сущности вся южная Европа состоитъ изъ такихъ полуостровов, вдающихся въ море. Древніе народы назвали его „Средиземнымъ“, потому что представляли себѣ всю землю

въ видѣ широкой полосы, окружающей это море. Отчасти они были правы: нѣтъ другого моря, которое соединяло бы другъ съ другомъ столь различныя страны, какъ Средиземное. Его можно было бы назвать также международнымъ; народы, населяющіе его берега, сошлись сюда съ востока, юга и сѣвера; испанцы, французы, итальянцы, разныя племена славянъ, греки, турки, арабы и

множество другихъ народовъ и мелкихъ племенъ нашли себѣ здѣсь пріютъ. И не мудрено: здѣсь такъ много бухтъ и удобныхъ мѣстъ для стоянки крупныхъ и мелкихъ судовъ, такъ много глухихъ заливчиковъ и укромныхъ уголковъ, столько острововъ, которые въ одиночку и группами, десятками и сотнями разбросаны тамъ и сямъ возлѣ береговъ, здѣсь такъ богаты прибрежныя горы,

такъ богаты жизнью сами морскія воды, какъ нигдѣ въ другомъ закрытомъ морѣ.

Самая крупная рѣка Европы, Дунай, вливается въ Черное море, а Черное море есть только глухой заливъ Средиземнаго. Самая важная рѣка Африки, орошающая тучныя поля Египта, Нилъ, впадаетъ тоже въ Средиземное море. Громадная Азія не даетъ большихъ рѣкъ въ это море. Ея

большія рѣки текутъ къ югу и востоку. Она только однимъ уголкомъ своимъ прилегаетъ къ Средиземному морю. Но этотъ уголокъ и безъ крупныхъ рѣкъ служилъ всегда хорошею дорогою для европейскихъ и азіатскихъ народовъ. Его наискось пересѣкаютъ двѣ рѣки—Евфратъ и Тигръ съ цвѣтущею долиною Мессопотаміею. Кромѣ того, большая часть Средиземнаго моря лежитъ какъ разъ

въ той восточной части его, къ которой прилегаетъ Азія, а эти острова всегда указывали дорогу европейцамъ, пробиравшимся на востокъ, въ Азію, и азіатамъ, двигавшимся къ западу, въ Европу.

Европа отсылаетъ на югъ отъ себя три главные полуострова, уходящіе въ наше море. Самый западный изъ нихъ, Пиренейскій, занятый испанцами и португаль-

цами, запираетъ входъ въ море изъ океана. Какъ Азія на востокѣ своимъ Малоазіатскимъ полуостровомъ, такъ Пиренейскій полуостровъ на западѣ связываетъ Европу съ Африкой. Въ самомъ дѣлѣ, между южнымъ концомъ этого полуострова и берегомъ Африки остается лишь узкій проливъ, называемый Гибралтаромъ. Въ узкомъ своемъ мѣстѣ онъ имѣетъ въ ширину только двѣнад-

цать верстъ. Отсюда хорошо виденъ африканскій берегъ. Мѣстами глубина его всего двѣсти саженъ. Глубина самаго Средиземнаго моря къ востоку отъ пролива и глубина океана къ западу отъ него—значительно больше. Такимъ образомъ, дно Гибралтарскаго пролива образуетъ какъ бы порогъ, черезъ который вода изъ океана льется безостановочно въ Средиземное море, а изъ

него по дну пролива возвращается въ океанъ.

По преданіямъ грековъ, здѣсь древній греческій герой, Геркулесъ, построилъ изъ камня на европейскомъ и африканскомъ берегу два громадныхъ столба. Онъ сложилъ ихъ въ воспоминаніе своего плаванія за Гибралтаръ. Ими онъ отмѣтилъ западную границу владѣній древнихъ народовъ, ютившихся у береговъ моря. Геркулесовы столбы, въ

сущности, не что иное, какъ двѣ скалы, опускающіяся къ морю отвѣсными стѣнами. Много вѣковъ древніе мореходцы не рѣшались плыть дальше этихъ столбовъ, потому что за ними лежали страны, о которыхъ сочиняли всякіе ужасы. Но любопытство человѣка и страсть его къ приключеніямъ, съ развитіемъ мореходнаго дѣла, взяли верхъ надъ страхомъ, и теперь Гибралтарскій про-

ливъ служитъ большою торговою дорогою, по которой суда изъ океана идутъ черезъ Средиземное море къ берегамъ Азіи.

Черезъ Гибралтаръ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ изъ Африки вторглись въ Испанію арабы. Они видѣли, что Геркулесовы столбы запираютъ входъ въ Средиземное море, и, чтобы овладѣть этимъ входомъ, построили на скалахъ Гибралтара

крѣпость. Они назвали ее холмомъ Таврика, по имени своего вождя, Таврика - бенъ-Сеида, приведшаго ихъ въ Испанію. Съ тѣхъ поръ изъ - за обладанія Гибралтарскими скалами много разъ велись упорныя войны, и теперь ими владѣютъ англичане.

Берега самаго Пиренейскаго полуострова со стороны Средиземнаго моря имѣютъ мало значенія. Здѣсь горы слишкомъ близко подходятъ къ мо-

рю, оставляя лишь узкую береговую полосу безъ большихъ извивовъ, безъ глубокихъ заливовъ. Весь полуостровъ напоминаетъ собою большую, неуклюжую, почти квадратную глыбу земли, высоко поднятую надъ моремъ. Вся восточная часть его занята Испаніей. Горы Испаніи дики и суровы, а долины между ними кажутся голыми и унылыми, потому что здѣсь нѣтъ ни лѣсовъ, къ ко-

торымъ такъ привыкъ нашъ глазъ, ни большихъ зарослей кустарниковъ. Здѣсь слишкомъ сухо и жарко. Отъ остальной Европы полуостровъ отдѣляютъ неприступныя Пиринейскія горы. Только два прохода ведутъ черезъ эти горы изъ Европы въ Испанію. Черезъ нихъ вы проникаете въ долину самой большой испанской рѣки, Эбро. Но и эта Аррагонская долина, самая об-

ширная на полуостровѣ, мало гостепріимна, потому что большая часть ея покрыта степями съ тощею травою.

Совсѣмъ иначе выглядитъ второй большой полуостровъ Европы, вдающійся въ Средиземное море,—полуостровъ, названный Аппенинскимъ и занятый Италіей. Италію называютъ садомъ Европы. Сюда пріѣзжаютъ европейцы съ сѣвера наслаждаться южнымъ кли-

матомъ, красотою природы и видомъ моря. Можетъ быть, Средиземное море нигдѣ не бываетъ такъ красиво, какъ у береговъ Италіи. Эти берега изрѣзаны множествомъ бухтъ и заливовъ, а вблизи нихъ разбросаны острова. Какъ и Испанію, Итальянскій полуостровъ отдѣляютъ отъ Европы высокія горы, Альпы. Вершины ихъ выше вершинъ Пиринеевъ, но общая высота меньше. Поэтому онѣ

больше доступны для человѣка, чѣмъ Пиринеи. Самъ полуостровъ имѣетъ совсѣмъ иную форму. Онъ длинный и узкій, вродѣ сапога, далеко вдающагося въ море. На югѣ онъ заканчивается двумя болѣе мелкими полуостровами, Апуліей и Калабріей. Здѣсь къ Италіи прилегаетъ большой островъ Сицилія.

Италія не представляетъ собою такого высокаго плоскогорія, какъ

Испанія. Вдоль, черезъ весь полуостровъ, проходитъ одинъ лишь главный хребетъ, Аппенинскій. Берега ея удивительно разнообразны. Здѣсь вы встрѣчаете и дикія неприступныя скалы, обрывающіяся въ море высокими утесами, и постепенно покатый берегъ, покрытый фруктовыми садами, удобный для приставанія какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ судовъ, и очень

отлогіе низменные берега, опоясанные широкими песчаными отмелями, на которыхъ постоянно шумятъ изумрудно-зеленые буруны съ гребнями изъ бѣлоснѣжной пѣны.

Западный берегъ Италіи омываетъ голубое Тирренское море. Такъ называется часть Средиземнаго моря, отрѣзанная на югѣ Сициліей, а на западѣ двумя другими большими островами, Корсикой и Сардиніей. Здѣсь,

на берегахъ Тирренскаго моря, находятся единственныя въ Европѣ еще не потухшія огнедышащія горы, вулканы. Одинъ изъ нихъ поднимается на восточномъ берегу Сициліи. Это—суровая Этна. Другой лежитъ въ глубинѣ прелестнаго Неаполитанскаго залива. Это—Везувій. Третій вулканъ, Стромболи, выходитъ прямо изъ моря, какъ отдѣльный островъ, ввидѣ

высокаго конуса, между Сициліей и Калабріей.

И въ другихъ мѣстахъ южной Италіи есть вулканы, но вулканы уже не дѣйствующіе. Однако нѣкоторые изъ нихъ еще на памяти людей потрясали почву Италіи, выливая изъ себя огненную лаву и выбрасывали пепелъ. Пепелъ и лава даютъ удивительно плодородную почву. На этой кулканической почвѣ разведены итальянцами луч-

шіе фруктовые сады и виноградники. Они опоясываютъ каждый вулканъ и поднимаются по его склонамъ кверху. Мѣстами среди потоковъ остывшей лавы по склонамъ Везувія можно встрѣтить отличные огороды, разведенные на совершенно свѣжемъ черномъ пеплѣ. Веселая зелень ихъ составляетъ удивительный контрастъ съ мрачнымъ видомъ черныхъ, теперь застывшихъ каменныхъ

волнъ, которыя еще недавно въ видѣ огненнаго потока сползали по склонамъ вулкана.

На востокѣ Италія отдѣлена отъ третьяго южнаго полуострова, Балканскаго, узкимъ и длиннымъ Адріатическимъ моремъ. Балканскій полуостровъ занятъ Турціей и Греціей, а на сѣверѣ славянами. Адріатическое море—это простой глубокій заливъ Средиземнаго. Въ сѣверный уголъ

его впадаетъ самая большая рѣка Италіи, По. Рѣка По по своему положенію на Аппенинскомъ полуостровѣ соотвѣтствуетъ рѣкѣ Эбро на Пиринейскомъ и рѣкѣ Дунаю на Балканскомъ. Всѣ эти рѣки текутъ съ запада на востокъ у подошвы горъ, отдѣляющихъ съ сѣвера эти полуострова отъ остальной Европы. Всѣ онѣ представляютъ главныя рѣки полуострововъ и составляютъ гра-

ницу между приморскою и материковою частью ихъ. Эбро впадаетъ въ самое Средиземное море; По—въ глубокій его заливъ, въ Адріатическое море; Дунай — въ еще болѣе глухой заливъ Средиземнаго моря, въ Черное море. По своимъ особенностямъ долина рѣки По, прекрасная Ломбардская долина, занимаетъ среднее мѣсто между сухою долиною Эбро и туч-

ной придунайской низменностью.

Въ природѣ все связывается переходами, и потому во всемъ можно найти удивительную гармонію. Такъ и въ формѣ отдѣльныхъ материковъ и ихъ полуострововъ, въ отношеніи между сушею и океаномъ, въ теченіи и развитіи рѣкъ, въ направленіи и высотѣ горныхъ хребтовъ, — словомъ, во всемъ, что касается устройства поверхности нашего

земного шара, замѣчается гармонія, правильность. Эта правильность вліяетъ и на характеръ народовъ, и ихъ исторію, которая всегда соотвѣтствуетъ особенностямъ населяемой ими мѣстности. То же замѣчается и въ устройствѣ и жизни трехъ южныхъ полуострововъ Европы.

Итальянскій полуостровъ занимаетъ средину между Испанскимъ и Турецкимъ — не только по своему положенію, но

и по всѣмъ своимъ болѣе крупнымъ особенностямъ. Пиринейскій полуостровъ переходя въ материкъ, сильно съуженъ, Аппенинскій не съуживается, а Балканскій, наоборотъ, расширяется. Если Альпы въ общемъ ниже Пиринеевъ, то горы, отдѣляющія Балканскій полуостровъ отъ Европы, Карпаты и Балканы, — еще ниже. Если рѣка По больше Эбро, то Дунай еще больше. Если возлѣ Италіи

многочисленнѣе острова, чѣмъ возлѣ Испаніи, то возлѣ Турціи и Греціи ихъ еще больше. Если въ Испаніи нѣтъ горныхъ хребтовъ, идущихъ изъ сѣверной части полуострова въ южную, а въ Италіи есть одинъ такой хребетъ, то въ Турціи такихъ хребтовъ, раздѣленныхъ прелестными долинами, нѣсколько. Если берегъ Испаніи простъ и мало доступенъ, въ Италіи же онъ извилистъ,

то на Балканскомъ полуостровѣ бухтъ и заливовъ еще болѣе и для стоянки судовъ они еще удобнѣе. Если Италія оканчивается на югѣ двумя полуостровами, а Испанія только однимъ короткимъ выступомъ, то у Балканскаго полуострова уже много такихъ мелкихъ полуострововъ, выбѣгающихъ въ море къ югу.

Острову Сициліи соотвѣтствуетъ у Балканскаго полуострова греческій по-

луостровъ Морея. Онъ лишь узкимъ перешейкомъ соединенъ съ остальною частью Балканскаго полуострова. Адріатическому и Іонійскому морю, изъ которыхъ послѣднее служитъ продолженіемъ перваго и отдѣляетъ Грецію отъ Калабріи и Апуліи, соотвѣтствуютъ на востокѣ Балканскаго полуострова три моря: глухое Черное, маленькое Мраморное и Эгейское. Эгейское море, все

покрытое островами, отдѣляетъ Грецію отъ Малой Азіи. Оно соотвѣтствуетъ Іонійскому. Мраморное море есть только проливъ между Эгейскимъ и Чернымъ. Такой же проливъ, только болѣе широкій есть и между Адріатическимъ и Іонійскимъ морями. Это проливъ между Апуліей и турецкимъ берегомъ. Само Адріатическое море такимъ же образомъ мы должны сравнить съ Чернымъ. Истрійскій по-

*

луостровъ, который вдается угломъ съ сѣвера въ глухой конецъ Адріатическаго моря и дѣлитъ его на два залива—западный и восточный, можно сравнить съ Крымскимъ полуостровомъ, дѣлящимъ точно также сѣверную часть Чернаго моря на западный заливъ и восточное Азовское море. Вездѣ сходство, вездѣ постепенность въ измѣненіи формъ, нѣтъ нигдѣ крупныхъ различій, которыя

не были бы связаны переходами.

Итакъ, Черное море надо считать, такъ же, какъ и Адріатическое, за часть Средиземнаго. Его отдѣляетъ отъ Средиземнаго съ юга большой Малоазіатскій полуостровъ; съ запада — Балканскій; связываетъ съ этимъ моремъ—Мраморное море. Италія раздѣляетъ Средиземное море на двѣ неравныхъ части, на маленькую, болѣе узкую, запад-

ную, и на большую, болѣе широкую, восточную. Но эта восточная часть двумя полуостровами, Балканскимъ и Мало-азіатскимъ, вдающимися въ нее съ сѣвера и съ востока, раздѣлена въ свою очередь на три части: узкое Адріатическое море (съ Іонійскимъ), болѣе широкое—Черное (съ Мраморнымъ и Эгейскимъ) и еще болѣе широкій и большой восточный уголъ Средиземнаго моря. Онъ

къ югу отъ Греціи переходитъ въ среднюю часть Средиземнаго моря, связующую собою всѣ эти моря, которыя какъ бы расходятся отсюда во всѣ стороны между отдѣльными полуостровами.

Глубина Средиземнаго моря вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему раздѣленію его. Самая глубокая часть его дѣйствительно лежитъ къ югу отъ Іонійскаго моря. Здѣсь глубина доходитъ до четырехъ верстъ.

Если бы дно моря повысилось бы только на сто саженъ, то Сицилія соединилась бы съ одной стороны съ Италіей, съ другой—съ Африкой, и тогда Италія дѣйствительно раздѣляла бы Средиземное море на двѣ неравныхъ части: меньшую—западную и большую—восточную. Кромѣ того, при этомъ Черное море отдѣлилось бы совершенно отъ Средиземнаго, потому что закры-

лось бы Мраморное море. Если бы дно Средиземнаго моря повысилось на двѣ версты, то отъ всего моря остались бы только три большихъ соленыхъ озера: одно какъ разъ посрединѣ западной части моря (между Франціей и Африкой), другое посрединѣ восточной части его, между Малой Азіей и Египтомъ, третье, самое большое, между обоими первыми въ средней части Средиземнаго моря.

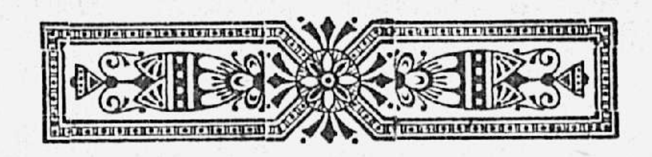
Берега Турціи и Греціи какъ поясомъ окружены островами. Эгейское море все наполнено ими. Они часто напоминаютъ сады, вынырнувшіе какъ бы по волшебству изъ-подъ голубыхъ волнъ. Впрочемъ, эти острова по большей части высоки. Это—не что иное, какъ отдѣльныя вершины горныхъ хребтовъ, главная часть которыхъ сокрыта подъ водою, хребтовъ, которые связывали

когда - нибудь современную Грецію съ Малой Азіей. Какъ бы то ни было, эти острова придаютъ южной части Балканскаго полуострова особенный характеръ и какъ бы дополняютъ собою его раздѣленіе на множество болѣе мелкихъ полуостровов.

Какъ устройство поверхности прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря постепенно измѣняется отъ запада къ востоку,

такъ измѣняется и ихъ природа. Испанія напоминаетъ по своей природѣ знойную Африку, Балканскій полуостровъ — Европу, Италія занимаетъ средину. Однако, прежде чѣмъ говорить о природѣ этихъ странъ, посмотримъ, какое значеніе такое большое и сложное море, какъ Средиземное, имѣло для человѣка.

IV.

Древній міръ Средиземнаго моря.

Раньше люди жили не такъ, какъ теперь. Не было у нихъ большихъ городовъ съ фабриками и заводами, не было никакихъ другихъ сложныхъ машинъ кромѣ своихъ рукъ. Они не знали ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ. Главными дорогами тогда

служили имъ рѣки. Они селились возлѣ большихъ рѣкъ и плавали по нимъ въ лодкахъ на веслахъ или подъ парусами. Другихъ большихъ судовъ, кромѣ парусныхъ, еще не было. Но вѣтеръ не всегда надежный пособникъ. Не всегда онъ дуетъ туда, куда должно плыть судно, а часто и совсѣмъ не дуетъ. Тогда парусное судно не годится и приходится браться за весла. Потомъ придумали боль-

шія суда, у которыхъ весла располагались въ два и три ряда одинъ надъ другимъ; гребцы сидѣли въ нѣкихъ судахъ въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ. Люди тогда боялись открытаго моря. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ море не вдавалось въ берегъ глубокими заливами или бухтами, гдѣ вѣтеръ большею частью года дулъ къ берегу и гналъ парусныя суда къ землѣ, гдѣ онъ поднималъ волны, кото-

рыя съ шумомъ разбивались о береговыя скалы, тамъ люди чувствовали себя безсильными передъ моремъ. Они смотрѣли на него съ суевѣрнымъ страхомъ, какъ на своего врага. Ихъ не тянуло къ морю и при удобномъ случаѣ они покидали негостепріимный берегъ и уходили въ глубь страны.

Совсѣмъ иначе вліяло море на людей тамъ, гдѣ берегъ изрѣзанъ множествомъ бухтъ и заливовъ,

гдѣ вдали на горизонтѣ виднѣются острова, гдѣ вѣтеръ дуетъ часто отъ берега въ море, гдѣ, наконецъ, прибой волнъ смягчается длинными мысами, далеко вдающимися въ море. Тамъ человѣкъ очень рано сталъ морякомъ...

Быть можетъ ничто такъ не содѣйствовало развитію мореходства, какъ именно острова вблизи берега. Представьте себѣ, что вы стоите на морскомъ берегу въ ясный,

тихій день и смотрите на горизонтъ, гдѣ сверкающая морская гладь сходится съ такимъ же яркимъ голубымъ небомъ. И вотъ вашъ глазъ, привыкшій всматриваться въ даль, начинаетъ различать смутныя, полупрозрачныя очертанія какой-то невидимой вамъ земли. Этотъ далекій синѣющій берегъ, едва вырисовывающійся на голубомъ небѣ, манитъ васъ своею таинственностью. Воображеніе ваше

рисуетъ картины заморской блаженной страны, о которой вы слышали въ дѣтствѣ. Вы всматриваетесь пристальнѣе въ показавшійся на горизонтѣ берегъ, но вдругъ повѣяло вѣтромъ, зарябило поверхность воды, потянуло легкой, едва уловимой дымкой, и таинственный берегъ исчезъ изъ вашихъ глазъ такъ же неожиданно, какъ появился. Снова потемнѣвшее море уходитъ вдаль до самаго горизон-

та и снова сходится съ небомъ...

Въ теплый день, когда вода холоднѣе воздуха, на морѣ бываютъ миражи. Тогда отдаленные острова представляются висящими въ воздухѣ,—они кажутся выше и гораздо ближе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ: добраться до нихъ—легкая прогулка.

Такъ же дѣйствовалъ видъ отдаленнаго берега, видъ прибрежныхъ острововъ и на воображеніе

древняго человѣка, въ первый разъ пробравшагося къ морю. Каждый человѣкъ всегда стремится къ лучшему. Пытливость и стремленіе къ лучшему необходимы для развитія человѣка. „Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ гдѣ лучше“—говоритъ мудрая пословица. И это исканіе лучшаго, конечно, играло первую роль въ развитіи мореходства. Какъ только человѣкъ построилъ себѣ лодку и научился грести,

онъ началъ свое странствованіе по морю отъ острова къ острову или съ одного берега залива къ другому — въ погонѣ за лучшею жизнью. Вѣроятно, такимъ-то способомъ и началось его знакомство съ моремъ. Переѣзжая отъ острова къ острову, отъ одного берега къ другому, онъ встрѣчался съ другими людьми, съ иноземцами, плывшими тѣмъ же способомъ изъ другихъ странъ.

Такъ завязались первыя сношенія между приморскими народами. Народы перенимали другъ у друга ихъ знанія и изобрѣтенія, кругозоръ ихъ расширялся, интересъ къ окружающему увеличивался.

Изъ всѣхъ большихъ морей, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ землею, Средиземное море всего больше могло содѣйствовать такому развитію своихъ первыхъ прибрежныхъ жителей. Если мор-

скія воды вообще были когда-то родиною всѣхъ животныхъ, населяющихъ землю, то Средиземное море можно назвать матерью первыхъ европейскихъ народовъ: оно ихъ кормило и дало имъ первое обученіе.

Въ глубокой древности властелинами Средиземнаго моря были два народа. Изъ этихъ народовъ эллины были предками теперешнихъ грековъ. Они занимали Балканскій полу-

островъ, т. е. какъ разъ тотъ полуостровъ южной Европы, берега котораго болѣе всего изрѣзаны бухтами и заливами, а окружающее море покрыто сотнями острововъ. Эллины были красивымъ, статнымъ народомъ, съ смуглымъ лицомъ и съ слегка вьющимися черными, какъ смоль, волосами. Правда, были между древними эллинами и блондины, иногда съ золотистыми волосами и съ большими голубыми

глазами, — но вѣроятно то были не коренные эллины, а потомки родственныхъ эллинамъ болѣе древнихъ жителей Балканскаго полуострова, пеласговъ. Пеласги пришли въ Европу съ Мало-Азіатскаго полуострова за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова. Раньше ихъ предки жили въ Малой Азіи къ востоку отъ Мраморнаго моря, въ гористой странѣ, называвшейся Фригіей. Отсюда они

переплыли на лодкахъ черезъ Геллеспонтъ (такъ назывался въ древности Босфорскій проливъ, соединяющій Мраморное море съ Эгейскимъ), прошли по сѣверному берегу Эгейскаго моря, отыскивая удобныя мѣста для поселенія, и, повернувши къ югу, заняли современную Грецію.

Пеласги не были ни торговымъ, ни воинственнымъ народомъ. Это были мирные земледѣльцы, ко-

торыхъ не нажива и не жажда приключенiй, а только нужда могла заставить покинуть старое отечество и переселиться въ новую мѣстность. Въ то время Грецiя была дикою, лѣсистою, почти не населенною страною. Еще нетронутая почва ея, конечно, была очень плодородна, и вотъ пеласги принялись за расчистку лѣсовъ и обработку этой почвы. Земли было достаточно, и пеласги много

вѣковъ прожили въ Грецiи, мирно занимаясь земледѣлiемъ и не думая ни о новомъ переселенiи, ни о расширенiи границъ своихъ новыхъ владѣнiй. Однако, Грецiя не могла быть земледѣльческою страною. Устройство ея береговъ, море, окружавшее ее съ трехъ сторонъ, прибрежные острова—все благопрiятствовало поселенiю здѣсь торговаго народа. Пеласги могли быть хозяевами страны только до

тѣхъ поръ, пока суда торговыхъ народовъ не добрались до береговъ Греціи. Рано или поздно пеласги должны были или покинуть Грецію, какъ раньше покинули Малую Азію, или покориться другому болѣе промышленному народу.

Я уже говорилъ, что восточная часть Средиземнаго моря особенно удобна для развитія мореходства и торговли. Здѣсь по берегамъ Малой Азіи по-

селились финикіяне. Ихъ вытѣснили извнутри страны къ берегамъ Средиземнаго моря другіе народы, двигавшіеся изъ Азіи въ Европу. Отступая передъ ними шагъ за шагомъ, финикіяне вышли, наконецъ, къ берегу моря и, благодаря этому морю, они скоро сдѣлались богатымъ, торговымъ и промышленнымъ народомъ. Они стали самыми искусными мореплавателями того времени. Ихъ легкія суда, выплы-

вая все дальше и дальше, съ одного берега на другой, съ острова на островъ, изъ страны въ страну — достигли крайнихъ предѣловъ Средиземнаго моря, Гибралтарскаго пролива. Всюду, куда проникали финикіяне и гдѣ они встрѣчали другіе народы, они старались завязать съ ними торговыя и другія сношенія. Мѣстами они устраивали склады своихъ товаровъ, рынки, на которыхъ одни товары вымѣнивались

на другіе; а возлѣ такихъ мѣстъ быстро возникали поселенія. Добрались они и до береговъ Греціи. И здѣсь они тоже основали свои поселенія, облюбовавъ особенно южную Грецію, изрѣзанную множествомъ заливовъ.

Еще раньше финикіянъ изъ Малой Азіи въ южную Грецію проникли однако іонійцы, одно изъ греческихъ племенъ, родственныхъ пеласгамъ. Можетъ быть, іонійцы приплыли

сюда, какъ потомъ финикіяне, черезъ Эгейское море. Финикіяне раньше, чѣмъ іонійцы, сдѣлались промышленнымъ народомъ и долгое время поэтому они были хозяевами восточной части Средиземнаго моря. Но іонійцы, благодаря частому сношенію съ финикіянами, научились у нихъ всему, что знали послѣдніе. Они научились у нихъ ремесламъ и искусствамъ, переняли отчасти у нихъ

ихъ обычаи и вѣру, научились строить суда и плавать по морю и мало-по-малу во всемъ этомъ превзошли своихъ учителей. Тогда царству финикіянъ наступилъ конецъ. Іонійцы начали вытѣснять ихъ отовсюду, гдѣ только сталкивались съ ними. Сначала финикіяне должны были уступить имъ свои поселенія по берегамъ Греціи, а затѣмъ—одинъ за другимъ и острова Эгейскаго моря. Какъ раньше

*

съ востока на западъ, такъ теперь съ запада на востокъ іонійцы добрались и до береговъ Малой Азіи. И здѣсь финикіяне должны были отступить передъ ними и скоро все западное побережье Мало-Азіатскаго полуострова покрылось цвѣтущими іонійскими поселеніями, колоніями.

Іонійцы были однимъ изъ многихъ племенъ, изъ которыхъ составился затѣмъ Эллинскій народъ.

Другимъ такимъ племенемъ были дорійцы, которые пробрались въ Грецію изъ Малой Азіи за пеласгами черезъ Геллеспонтъ. Они заняли дикія мѣстности въ Сѣверной Греціи. Здѣсь они жили долгое время отдѣльно отъ другихъ племенъ, не принимая участія въ спорахъ и раздорахъ между іонійцами и финикіянами изъ-за обладанія Эгейскимъ моремъ. Дорійцы были болѣе дикимъ и воинствен-

нымъ племенемъ. Финикійская цивилизація мало коснулась ихъ; зато они сохранили въ большей чистотѣ свои обычаи и преданія. Пока на югѣ шли раздоры между племенами эллиновъ, а затѣмъ и между отдѣльными городами, — племя дорійцевъ тѣсно сплотилось и начало свое дружное переселеніе съ сѣвера къ югу.

Мы не знаемъ, что заставило дорійцевъ переселиться къ югу. Вся древ-

нѣйшая исторія Греціи полна такихъ переселеній отдѣльныхъ племенъ. Племена переходили изъ одной мѣстности въ другую. Старыя царства разрушались. На ихъ мѣстѣ возникали новыя. Населенныя мѣстности пустѣли, дикія заселялись. То одно, то другое племя брало верхъ и порабощало сосѣднія племена.

Между тѣмъ море продолжало оказывать вліяніе на населявшихъ его элли-

новъ. Пока на материкѣ шли раздоры, греческія колоніи на островахъ и въ Малой Азіи продолжали развиваться. Здѣсь расширялась торговля, накоплялись богатства. Торговля вызывала все новые и новые промыслы. Она же дала начало и развитію искусства. Сначала искусство было промышленнымъ, но мало-по-малу оно потеряло свое промышленное значеніе и сдѣлалось совершенно свободнымъ. Ре-

месла и искусства, сношеніе съ другими народами и путешествія — будили мысль человѣка. Возникли науки, тоже имѣвшія сначала практическое значеніе, но потомъ ставшія свободными. Все это постепенно росло и развивалось. Одно влекло за собою другое и все вмѣстѣ сцѣплялось и переплеталось въ одно общее цѣлое, составляющее цивилизацію народа.

Если ничто такъ, какъ море, не содѣйствовало бы-

строму развитію эллиновъ, то оно же помѣшало всѣмъ эллинскимъ племенамъ слиться въ одно сильное государство. Море дробило древнюю Грецію своими заливами и проливами на множество полуострововъ и острововъ, а горы Греціи дополняли это раздѣленіе. Послѣ того, какъ закончились переселенія племенъ изъ одной мѣстности въ другую, занятая эллинами суша дѣлилась на множество мелкихъ неза-

висимыхъ государствъ. Но такія государства состояли обыкновенно изъ одного города съ окружавшими его полями и деревушками. Каждый эллинъ считалъ своимъ отечествомъ только одно изъ такихъ маленькихъ государствъ, въ которомъ жили его ближайшіе предки.

Такое раздѣленіе Греціи было тѣмъ хорошо, что каждый эллинъ прекрасно зналъ всѣ нужды своего отечества, онъ съ

малыхъ лѣтъ привыкалъ вникать во всѣ особенности своей маленькой области и становился истиннымъ гражданиномъ, готовымъ всегда и всѣмъ пожертвовать для блага своей родины. Кромѣ того соревнованіе между мелкими областями могло также содѣйствовать развитію ремеслъ, искусствъ и наукъ. Можетъ быть, только благодаря такому раздробленію древней Греціи, греки и удержали съ древнихъ

временъ до нашихъ дней свои главныя особенности: способность и страсть къ мореходству и торговлѣ, истинную любовь къ отечеству, стремленіе къ образованію и къ участію въ общихъ дѣлахъ страны и т. д. Греція нѣсколько разъ завоевывалась другими народами и послѣдній разъ ею владѣли турки, но греческая цивилизація не погибла. Турецкое владычество окончилось такъ же, какъ и всѣ предъиду-

щія—новымъ освобожденіемъ Греціи, которая одна изъ всѣхъ Европейскихъ странъ сохранила до нашихъ дней свою древнюю область и свой языкъ.

Съ другой стороны, благодаря раздѣленію эллинскихъ племенъ, Греція никогда не отличалась внѣшнею силою. Только одинъ разъ всѣ греческія области были объединены знаменитымъ македонскимъ царемъ Александромъ Великимъ. Тогда

Рис. 11. Александръ Македонскій.

подъ его начальствомъ греки и македоняне быстро завоевали всѣ страны вокругъ восточной части Средиземнаго моря. Такъ образовалась могущественная Греко-македонская монархія. Но она держалась только необыкновенною силою и способностями Александра Великаго. Онъ рано умеръ. Быстро созданная имъ монархія, не успѣвшая достаточно сплотиться, послѣ его смерти также быстро распалась.

При Александрѣ Великомъ греки начали переселяться въ различныя завоеванныя ими страны и приносили съ собою въ эти страны свой языкъ, обычаи, науку и искусства. То же переселеніе грековъ продолжалось и съ паденіемъ греко-македонской монархіи. Греческая образованность распространилась по всему древнему міру, по всѣмъ странамъ, прилегавшимъ къ Средиземному морю. Греки сдѣ-

лались учителями всѣхъ народовъ, жившихъ по берегамъ этого моря, какъ раньше сами они учились у финикіянъ. Однако въ самой Греціи, со времени завоеванія ея македонянами, наука и искусства никогда больше не достигали такого расцвѣта, какъ раньше. Нескончаемыя войны, начавшіяся со смертью Александра Великаго, завоеваніе Греціи то одними, то другими болѣе дикими народами—

окончательно ослабили и опустошили эту страну. Народъ обѣднѣлъ и обезсилѣлъ. Греки остались греками, но развитію греческой науки и искусствамъ наступилъ конецъ.

Въ то время, какъ Греція постепенно слабѣла, на сосѣднемъ европейскомъ полуостровѣ быстро разросталось и крѣпло могущество другого народа. Здѣсь въ небольшой области, лежавшей въ средней Италіи, къ югу отъ рѣки

Тибра пріютилось еще въ глубокой древности племя латинъ. Латины населяли небольшую равнину на западномъ берегу Аппенинскаго полуострова,— равнину, мѣстами болотистую и потому нездоровую. Они предпочитали селиться на болѣе высокихъ мѣстахъ, на холмахъ, подальше отъ вредныхъ испареній, поднимавшихся отъ болотъ. Селились они здѣсь большими обществами. Такъ возникли латин-

скіе города, разбросанные тамъ и сямъ по холмамъ среди сосновыхъ лѣсовъ и обширныхъ болотъ.

Самый сѣверный изъ латинскихъ городовъ, основанный позднѣе другихъ на холмахъ у береговъ Тибра, скоро опередилъ своею силою и развитіемъ своихъ старшихъ братьевъ. Этотъ городъ былъ названъ Римомъ, по имени (какъ разсказываетъ преданіе) одного изъ своихъ осно-

вателей, Ромула *). Почти съ самаго основанія Рима, римляне должны были, отстаивая свою независимость, защищать свой городъ отъ нападеній сосѣдей. Сюда сходились и находили здѣсь пріютъ всѣ тѣ изъ окрестныхъ жителей, которыхъ тѣснили на родинѣ ихъ соплеменники, которымъ дорога была ихъ свобода, которые не хотѣли промѣнять

*) Ромулъ—по-латыни—Romulus, Римъ—Roma.

ее на нѣкоторыя удобства жизни. Населеніе Рима быстро росло, и большая часть его составлялась изъ смѣлыхъ, рѣшительныхъ людей, закаленныхъ съ малолѣтства въ борьбѣ со всякаго рода опасностями. По преданію даже сами основатели Рима, братья Ромулъ и Ремъ, были изгнанниками, которыхъ не родная мать, а волчица въ лѣсу выкармливала своимъ молокомъ. Съ востока на римскія поля

нападали родственныя римлянамъ племена саби-

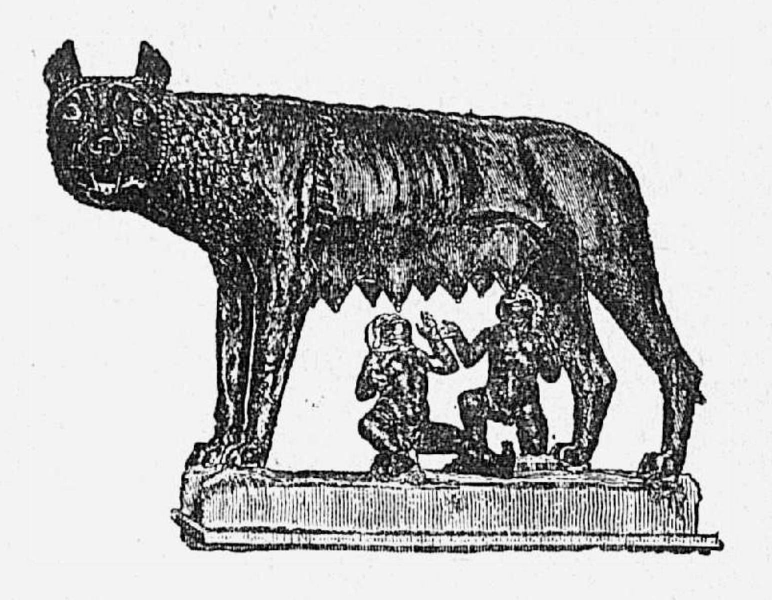

Рис. 12. Ромулъ и Ремъ вскормленные волчицей.

нянъ, вольсковъ и эквовъ, съ сѣвера сосѣдями рим-

лянъ были сильные этруски, а съ юга на нихъ смотрѣли съ недовѣріемъ и завистью ихъ же соплеменники латины, жившіе въ другихъ латинскихъ городахъ.

Постоянная борьба съ сосѣдями дѣлала каждаго римлянина хорошимъ воиномъ. Пока Римъ былъ еще малъ, римляне только защищались. Но очень скоро онъ переросъ другіе города и тогда малопо-малу вмѣсто того, чтобы

защищаться, римляне сами стали нападать на тревожившихъ ихъ раньше сосѣдей и захватывать ихъ области. Съ этихъ поръ могущество Рима начинаетъ рости. Одно завоеваніе слѣдуетъ за другимъ, и область за областью переходитъ въ ихъ руки. Первыми должны были покориться латинскіе города, а черезъ сто лѣтъ вся Италія была уже подвластна Риму. Такъ изъ одного небольшого города

выросла обширная Римская республика.

При покореніи южной Италіи римляне въ первый разъ столкнулись съ греками, потому что здѣсь много греческихъ колоній, много городовъ, построенныхъ эллинами, уже давно переселившимися сюда изъ Греціи. Завоеваніе южной Италіи вызвало и завоеваніе прилегавшей къ ней Сициліи. Здѣсь римляне должны были вступить въ борьбу не только съ гре-

ками, но и съ потомками древнихъ финикіянъ. Вытѣсненные эллинами и македонянами изъ восточной части Средиземнаго моря, финикіяне нашли себѣ пріютъ на сѣверномъ берегу Африки. Здѣсь былъ построенъ ихъ главный городъ — Карѳагенъ, по имени котораго и сами финикіяне съ тѣхъ поръ стали называться карѳагенянами. Какъ на востокѣ хозяевами Средиземнаго моря сдѣлались

греки, такъ на западѣ— карѳегеняне. Въ Сициліи жили и тѣ, и другіе. Завоеваніе Сициліи повело за собою тяжелую для римлянъ борьбу съ карѳагенянами. Карѳагенъ былъ морскою державою и для борьбы съ нимъ римляне завели свой флотъ. Они должны были вести войну и у себя въ Италіи, и на Пиринейскомъ полуостровѣ, занятомъ карѳагенянами, и на сѣверѣ Африки. Это была борьба европей-

цевъ съ азіатами, борьба двухъ одинаково сильныхъ, но совершенно различныхъ народовъ. Отъ исхода ея зависѣло будущее не только римлянъ, но и всѣхъ европейскихъ народовъ, потому что великое дѣло, начатое римлянами, дѣло объединенія всѣхъ народовъ, населявшихъ южную Европу, остановилось бы надолго, а, можетъ быть, и заглохло совершенно въ самомъ началѣ въ случаѣ побѣды Карѳагена. Нѣ-

Рис. 13. Ганнибалъ.

сколько разъ Римъ находился въ крайней опасности. Однажды карѳагенское войско, подъ начальствомъ своего удивительнаго полководца, Ганнибала, вторгнулось съ сѣвера въ Италію и, разбивъ на голову одну за другою три римскихъ арміи, почти подошло къ стѣнамъ Рима. Наступили дни, когда гибель Рима казалась неизбѣжной. Но нашлись у него новые герои и новые вожди, не

упавшіе духомъ въ это тяжелое время, и Римъ былъ спасенъ и вышелъ въ концѣ концовъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Карѳагенъ жестоко поплатился за пораженія, нанесенныя имъ раньше Риму. Онъ былъ совершенно разрушенъ, весь его флотъ былъ сожженъ, всѣ жители перебиты или обращены въ рабовъ, а всѣ владѣнія карѳагенянъ перешли въ руки римлянъ.

Съ паденіемъ Карѳа-

генскаго царства у римлянъ не было болѣе опасныхъ соперниковъ, потому что сильная Греко-македонская монархія къ тому времени успѣла уже распасться на болѣе мелкія области. Теперь и эти, и другія области, стали переходить въ руки римлянъ. Къ четвертому вѣку по Р. Хр. Римъ, давно уже превратившійся изъ республики въ монархію, владѣлъ всей южной Европой до рѣки Дуная; онъ

владѣлъ всею теперешней Франціей и Бельгіей и большею частью Англіи, всею Малою Азіей, всею сѣверной Африкой. Его владѣнія окружали теперь желѣзнымъ кольцомъ со всѣхъ сторонъ Средиземное море. Римскіе обычаи и законы проникали во всѣ уголки древняго міра. Такъ Римъ сдѣлалъ свое дѣло, а римская имперія достигла высшей точки своего могущества.

Въ сущности римляне докончили то, что было начато греками. Греки дали намъ свое искусство и науку. Римляне, сами воспринявъ греческое образованіе и объединивъ древній міръ подъ своею властью, оставили намъ послѣ себя отличные образцы государственнаго устройства, государственнаго могущества. Красота греческаго искусства и знанія восточныхъ народовъ и могущество рим-

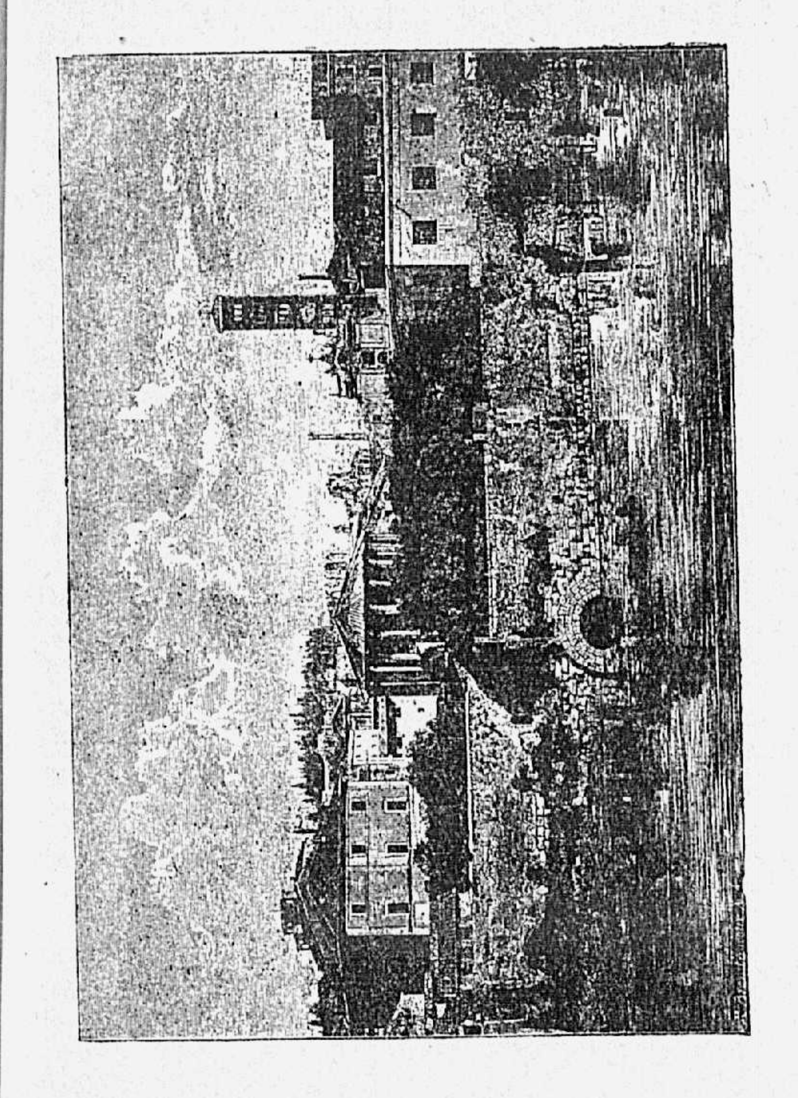
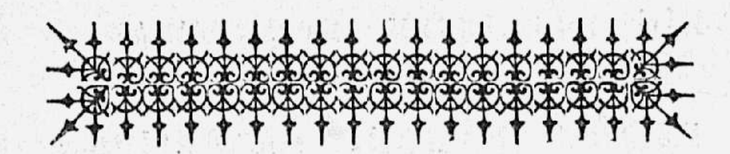

Рис. 14. Видъ Рима. Въ серединѣ храмъ богини Весты, съ колоннами.

скаго государства были соединены теперь въ одно цѣлое.

V.

Средиземноморская область.

Тамъ, гдѣ нѣкогда поднимались мраморныя колонны древнихъ храмовъ и хороводъ жрецовъ со священными щитами въ рукахъ подъ звуки флейтъ кружился въ дикомъ танцѣ въ честь бога войны, гдѣ толпы невольниковъ, подгоняемыя кнутами, тянули

глыбы камня, складывая изъ нихъ стѣны роскошныхъ дворцовъ императоровъ, тамъ, гдѣ бѣшенно неслись по аренѣ громадныхъ цирковъ колесницы, запряженныя четверками дикихъ коней, гдѣ рѣкою лилась кровь гладіаторовъ, гдѣ стоны христіанскихъ мучениковъ сливались съ ревомъ дикихъ звѣрей и стѣны цирковъ дрожали отъ криковъ опьяненной народной толпы, тамъ, гдѣ при звонѣ доспѣховъ, при

Рис. 15. Древній храмъ Кастора въ Римѣ.

лязгѣ мечей и стукѣ копьевъ проходили легіоны побѣдителей, а за ними въ цѣпяхъ, оборванные и голодные, понуря голову, двигались нестройною толпою побѣжденные, —тамъ теперь слышенъ все примиряющій благовѣстъ, и стройные звуки органовъ вырываются изъ открытыхъ церквей, тамъ теперь, не умолкая ни днемъ, ни ночью, кипитъ мирная городская жизнь, тамъ среди безмолвныхъ теперь

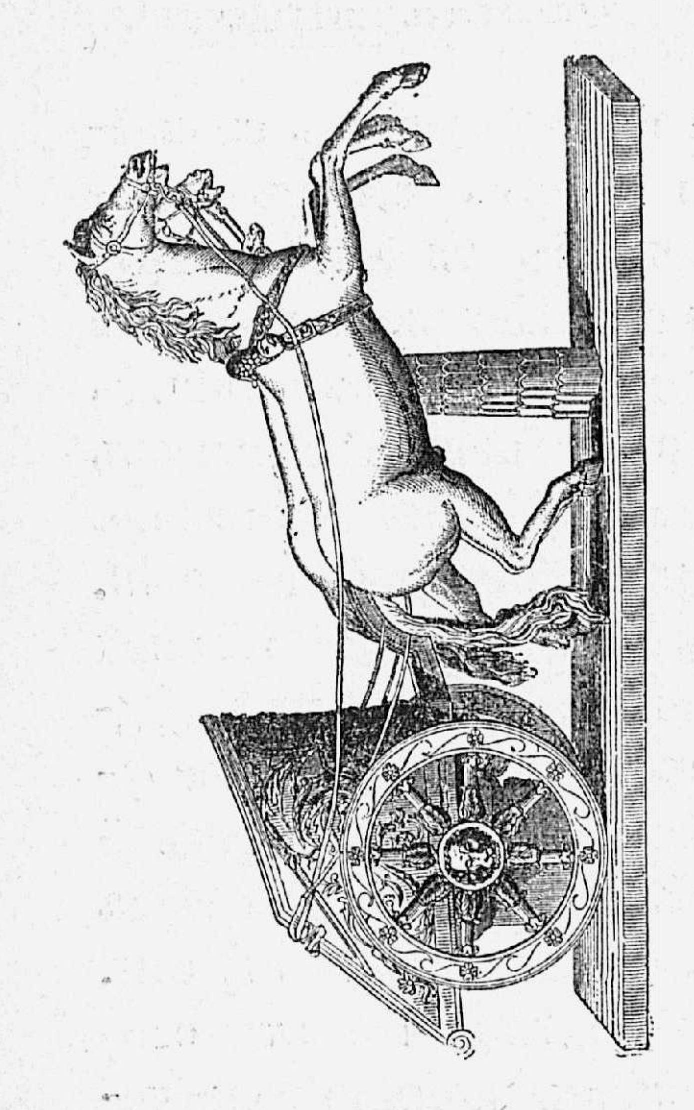

Рис. 16. Древняя колесница.

полей поселянинъ спокойно занятъ своимъ привычнымъ тяжелымъ трудомъ... Нигдѣ, ни въ одной странѣ не было такихъ бурныхъ перемѣнъ, какъ въ Италіи. Италія составляла сердце римской имперіи. Исторія ея въ высшей степени поучительна. Однако, время мало коснулось той части народной жизни, которая связана съ особенностями страны. Вы видѣли, что эти особенности помимо воли че-

Рис. 17. Сражающійся Гладіаторъ.

ловѣка вмѣшиваются въ его жизнь и часто направляютъ само историческое развитіе народа въ ту или другую сторону.

По особенностямъ климата, страны, прилегающія къ Средиземному морю, составляютъ одну общую область средиземноморскую. Эта область обнимаетъ собою большую часть Испаніи, югъ Франціи, Италію, Балканскій полуостровъ къ югу отъ Балканскихъ горъ, южный

берегъ Крыма, Закавказье, часть Персіи, Сирію, Малую Азію и сѣверный

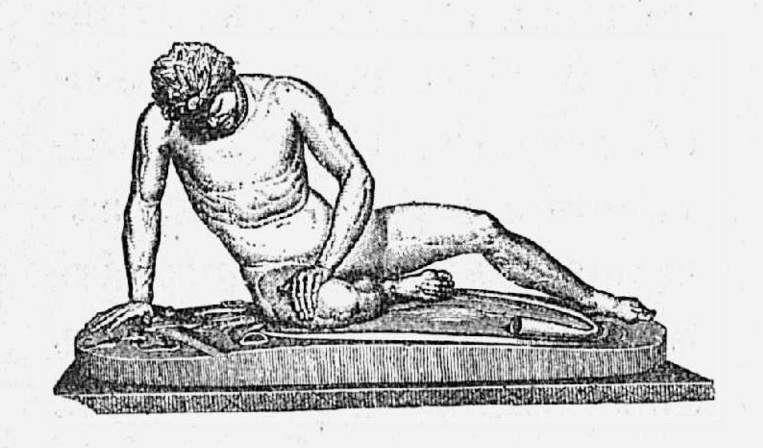

Рис. 18. Умирающій Гладіаторъ.

средиземноморскій берегъ Африки. Эта область отличается мягкою зимою и жаркимъ сухимъ лѣтомъ.

Зимою здѣсь падаютъ дожди, а лѣтомъ въ продолженіе двухъ, а иногда и четырехъ мѣсяцевъ темносинее небо остается безоблачнымъ. Горы, поднимающіяся съ сѣвера, защищаютъ этотъ благодатный край отъ морозныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, а съ юга отъ него на тысячи верстъ раскинулась знойная песчаная Сахара, и время отъ времени дыханіе жаркой пустыни въ видѣ теплаго вѣтра доносится до береговъ Европы.

Рис. 19. На аренѣ древняго цирка.

Въ сѣверной Африкѣ это сухой и непріятный вѣтеръ, но, проходя надъ Средиземнымъ моремъ, воздухъ жадно впитываетъ въ себя морскую сырость, водяные пары собираются въ густыя грозовыя тучи, и вѣтеръ становится влажнымъ. Въ Италіи этотъ вѣтеръ называютъ широкко (французское — сирокко). Теплый широкко почти никогда не дуетъ зимою. Зато тѣмъ пріятнѣе первый широкко ранней вес-

ною, налетающій неожиданно съ моря съ проливнымъ дождемъ и грозою. Послѣ такого широкко сразу все оживаетъ. Холодное время кончилось; тепло вернулось опять... Въ средней Италіи первый широкко бываетъ обыкновенно въ мартѣ. Въ концѣ февраля и началѣ марта зима еще борется съ весною. Мартъ здѣсь самый непостоянный мѣсяцъ въ году. „Marzo e pazzo“ (мартъ—сумасшедшій), го-

*

ворятъ итальянцы. Первый широкко прогоняетъ зиму, и она спѣшитъ на сѣверъ, за горы. Итальянцы поздравляютъ другъ друга съ возвращеніемъ тепла...

Несмотря на теплый климатъ, на югѣ Европы зимою народъ порядкомъ страдаетъ отъ холода. Печей для согрѣванія домовъ тамъ не дѣлаютъ, считая расходъ на отопленіе жилища совершенно излишнимъ. Да и для варки пищи такихъ печей, какъ

наши, которыя могли бы нагрѣвать комнаты, у тамошняго народа не встрѣтишь. На югѣ Франціи часто топятъ для этого маленькія желѣзныя плитки, то углемъ, то сосновыми шишками, часто пользуются просто газовыми горѣлками, „газовыми кухнями“; въ Италіи съ испоконъ временъ готовятъ на древесныхъ уголькахъ, раздувая ихъ соломеннымъ вѣеромъ. Бѣдный людъ выноситъ

жаровню съ углями обыкновенно на улицу, чтобы не напускать въ тѣсную каморку, въ которой ютится цѣлая семья, угара. Сами дома южанъ совсѣмъ не приспособлены къ зимѣ. Здѣшніе жители болѣе заботятся о защитѣ себя отъ лѣтней духоты, чѣмъ отъ зимняго холода. Каждый большой домъ имѣетъ множество балкончиковъ. Передъ каждымъ окномъ балкончикъ. Само окно есть собственно не окно,

а дверь на этотъ балкончикъ. Всѣ эти двери оставляютъ множество щелей, черезъ которыя холодный воздухъ свободно проходитъ въ домъ. Зато каждая дверь и окно снабжены поднимающимися жалюзи, защищающими комнаты отъ солнечныхъ лучей.

Своимъ мягкимъ климатомъ Средиземноморская область особенно обязана самому морю, которое, какъ вы знаете, далеко вдается въ окружаю-

щія его страны безчисленными, то открытыми, то глухими заливами, и на нѣкоторой глубинѣ круглый годъ имѣетъ температуру не ниже 9°. Знойнымъ лѣтомъ оно обвѣваетъ прилегающія страны прохладою, а зимою поитъ ихъ землю дождями. Не будь этого вліянія моря, большая часть Средиземноморской области превратилась бы въ безплодную мѣстность въ родѣ Аравійскихъ каменистыхъ пустынь.

Мягкая зима позволяетъ прекрасно расти въ Средиземноморской области многимъ растеніямъ, не теряющимъ свои листья зимою. Маслины, апельсины, лимоны, померанцы, лавры, олеандры, лавровишни, нѣкоторыя породы вѣчно-зеленыхъ дубовъ и другія подобныя же растенія придаютъ особый характеръ ея садамъ и рощамъ. Зато здѣсь совершенно нѣтъ нашихъ луговъ, любящихъ большую

влагу. Вмѣсто нихъ мѣстами, какъ напримѣръ, въ Испаніи, попадаются сухія степи, а еще чаще густыя заросли кустарниковъ, покрывающія невысокіе склоны горъ,—кустарниковъ, между которыми такъ же не мало вѣчнозеленыхъ, какъ мирты, самшиты и другія.

Высокія горы покрыты обыкновенными лѣсными породами деревьевъ, но не эти, хотя и очень разнообразныя, породы, а ра-

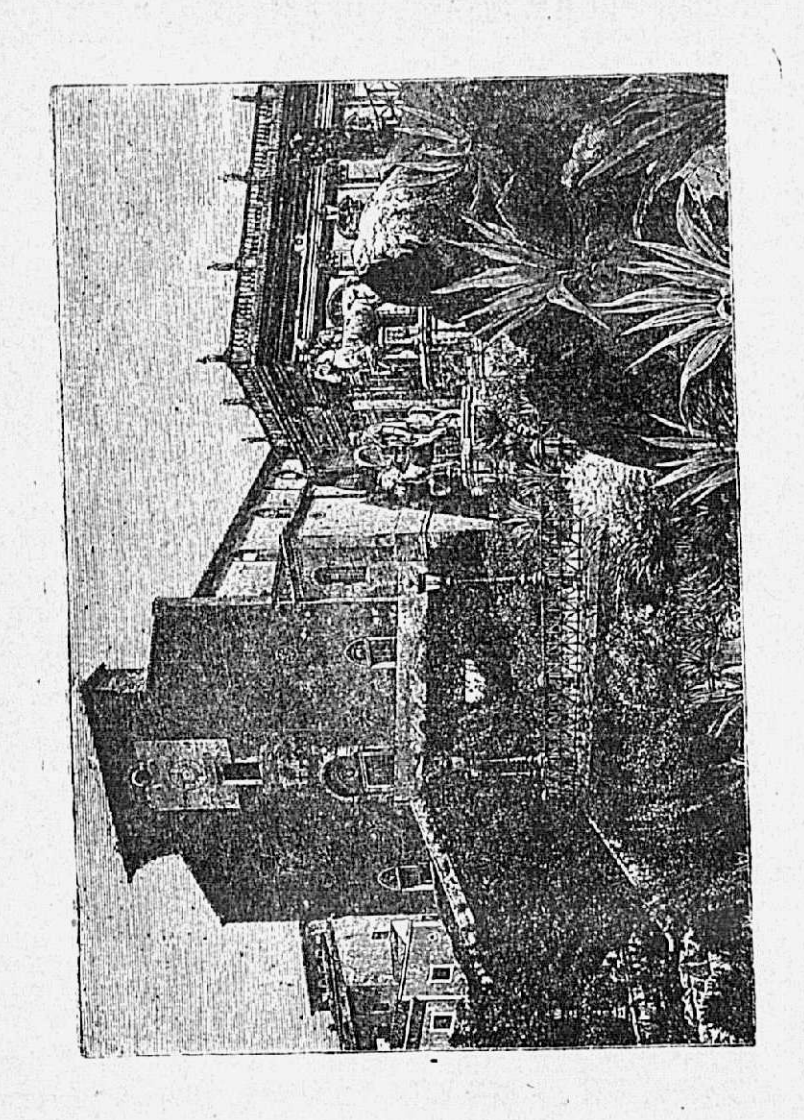

Рис. 20. Римская растительность.

стенія долинъ и болѣе низкихъ горныхъ склоновъ характерны для Средиземноморской области. Здѣсь первобытные лѣса давнымъ давно вырублены, и лѣсныя растенія мало-по-малу замѣнились растеніями, перенесенными сюда самимъ человѣкомъ. Ни въ какой другой области растительный міръ не измѣнился такъ сильно сравнительно въ недавнее время подъ вліяніемъ человѣка, какъ въ Среди-

земноморской. Сюда перенесены были растенія съ востока, изъ Азіи, и съ запада, изъ Америки. Какъ сами народы въ древности сошлись къ берегамъ Средиземнаго моря съ разныхъ сторонъ, такъ и растенія различныхъ отдаленныхъ мѣстностей нашли для себя здѣсь новое отечество.

Чудный климатъ страны и ея плодородіе съ давнихъ временъ привлекали въ Италію иноземцевъ, ко-

торые захватывали то одну, то другую изъ ея областей и тѣснили простой народъ. Съ паденіемъ Римской имперіи Италія быстро раздѣлилась на нѣсколько мелкихъ и слабыхъ областей, изъ-за которыхъ и происходили теперь постоянныя войны между болѣе сильными сосѣдями ея—испанцами, французами и австрійцами. Соперники не останавливались ни передъ какими средствами для захвата и

удержанія за собою облюбованныхъ мѣстъ: подкупы, ложные доносы, убійства, гоненіе противъ лучшихъ людей страны, противъ писателей, которые могли бы своими сочиненіями указать итальянскому народу на его враговъ и на его истинныхъ друзей, противъ ученыхъ, работавшихъ надъ просвѣщеніемъ народной толпы, противъ путешественниковъ, знакомыхъ съ лучшими поряд-

ками въ другихъ странахъ, противъ иностранныхъ купцовъ, прiѣзжавшихъ изъ этихъ странъ, противъ каждаго, кто свободно высказывалъ свои сужденiя, противъ всѣхъ и всего, что могло бы разбудить темныя народныя массы и считалось поэтому опаснымъ, — не прекращались многiе годы. Результатомъ всего этого было полное обнищанiе и ужасное невѣжество народа. Сравнительно не-

давно Италiя освободилась отъ господства иноземцевъ и еще болѣе недавно отдѣльныя области ея снова, хотя и не прочно, объединились подъ властью одного короля.

Почти вся свободная земля въ Италiи мало-помалу перешла въ руки аристократовъ, праздно живущихъ въ городахъ и нисколько не думающихъ о нуждахъ земледѣльцевъ. Они считаютъ для себя менѣе хлопотливымъ и

болѣе выгоднымъ не заниматься землею самимъ, а просто отдавать ее въ аренду, но не мелкимъ крестьянамъ, а болѣе зажиточнымъ людямъ. Послѣдніе уже отъ себя за болѣе высокую плату передаютъ ее во временное пользованіе безземельнымъ крестьянамъ, разбивая ее на крошечные участки. Въ Италіи болѣе трехъ четвертей крестьянъ не имѣютъ своей земли и пользуются такою чужою зем-

лею. Поэтому-то и само земледѣліе, несмотря на плодородіе почвы, въ Италіи стоитъ очень низко.

Самыми важными полевыми растеніями Средиземноморской области являются пшеница и кукуруза. Кукуруза или маисъ составляютъ главную пищу бѣдныхъ жителей Балканскаго и Аппенинскаго полуострововъ. Какъ у насъ въ черноземной полосѣ желѣзнодорожный поѣздъ мѣстами бѣжитъ

черезъ необозримыя поля пшеницы и проса, такъ тамъ по обѣ стороны дороги стѣною поднимается зеленая чаща толстыхъ кукурузныхъ стеблей, покрытыхъ красивыми листьями. Мѣстами кукурузное поле прерывается длинными рядами плодовыхъ деревьевъ, съ прихотливо обвивающими ихъ свѣтлозелеными лозами винограда. Однако кукуруза, несмотря на свое большое распространеніе въ южной Европѣ,

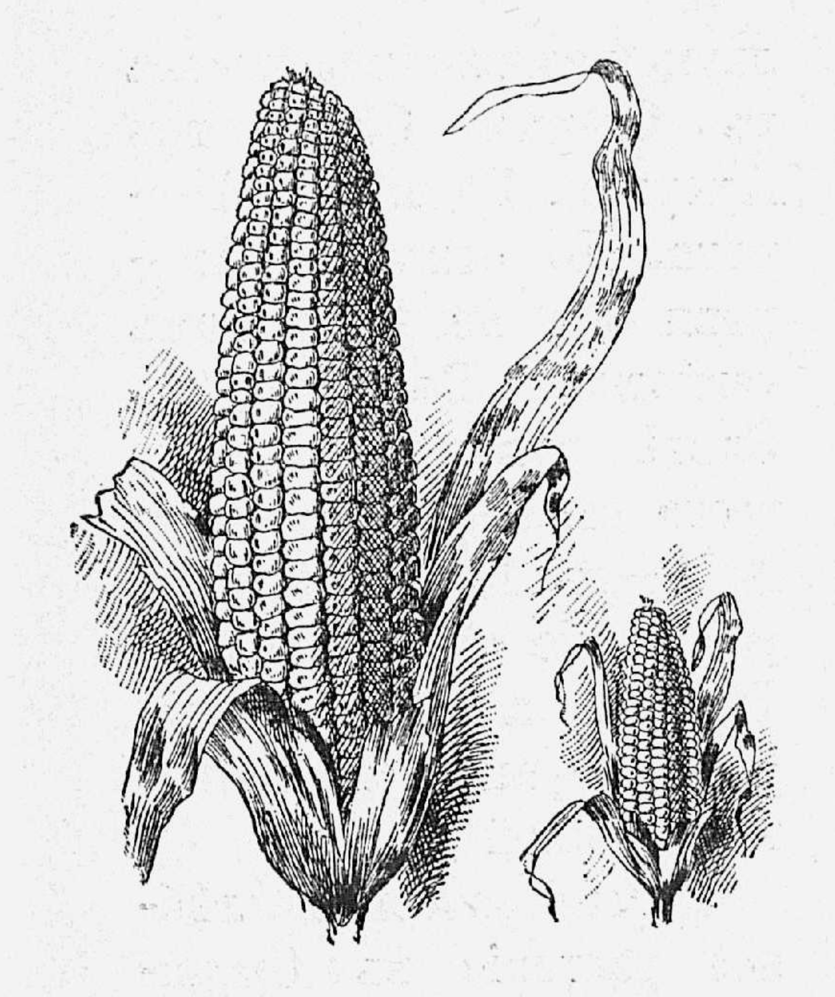

Рис. 21. Кукуруза.

лишь недавно перенесена въ Старый Свѣтъ изъ Америки. Родина ея Америка. До открытія Америки она не была намъ извѣстна. Въ Старомъ Свѣтѣ кукурузу прежде всего стали разводить въ Азіи—въ Китаѣ. Отсюда разведеніе ея перешло въ Турцію, а изъ Турціи распространилось и по всей южной Европѣ.

Другое завозное хлѣбное растеніе въ Средиземноморской области—

рисъ. Родина его—тропическая Азія: южный Китай и Индія. Въ Китаѣ рисъ разводится съ незапамятныхъ временъ. Здѣсь онъ имѣетъ громадное значеніе, и большая часть населенія питается почти однимъ рисомъ. Изъ него готовятъ всевозможныя кушанья, пекутъ хлѣбъ, варятъ различные напитки; рисовыя блюда играютъ важную роль во всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, какъ домашнихъ, такъ и

общественныхъ, рисъ здѣсь священное растеніе, и самъ китайскій императоръ, по древнему обычаю, во время одного изъ торжественныхъ обрядовъ долженъ посѣять нѣкоторое количество риса.

Но хотя рисъ и имѣетъ такое большое значеніе, и хотя половина всего населенія земного шара питается имъ, обработка рисовыхъ полей и уходъ за ними очень вредны для здоровья крестьянъ. Если

бы не громадные урожаи, которые даютъ рисовыя поля, разведеніе его, навѣрное, не получило бы такого распространенія. Дѣло въ томъ, что рисъ — болотное растеніе. Хотя и отличаютъ рисъ „мокрый“ отъ риса „сухого“, но и сухой рисъ не будетъ расти на обыкновенномъ сухомъ полѣ. Для риса нужны болотистыя мѣста, а если ихъ нѣтъ, то устраиваютъ искусственныя болота.

Въ Средиземноморской области, особенно въ Италіи, довольно много болотъ. Въ этихъ болотахъ, или мареммахъ, вода сильно прогрѣвается солнцемъ, начинаетъ гнить, и отъ нея поднимаются вредныя испаренія. Они вызываютъ у окрестныхъ жителей жестокую перемежающуюся лихорадку, называемую маляріей. Собственно малярію производятъ особенныя мельчайшія живыя существа, которыя живутъ

въ гнилыхъ болотахъ. Они настолько мелки, что ихъ нельзя видѣть простымъ глазомъ, безъ помощи хорошаго микроскопа. Вмѣстѣ съ туманомъ они разносятся по воздуху и вмѣстѣ съ нимъ попадаютъ къ намъ въ легкія, которыми мы дышимъ. Отсюда они проходятъ въ нашу кровь и тамъ размножаются. Можетъ быть, они попадаютъ въ нашу кровь еще и другими способами, напримѣръ, ихъ могутъ

переносить на людей и различныя сосущія кровь насѣкомыя, летающія возлѣ болотъ, какъ комары или москиты. Какъ бы тамъ ни было, отъ маляріи страдаютъ вездѣ, гдѣ существуютъ гнилыя болота. А на югѣ ею заболѣваютъ не только люди, но также домашнія животныя и даже птицы.

Въ Италіи поля, отведенныя подъ рисъ, весною затопляютъ водою и въ эту воду въ мартѣ или

апрѣлѣ бросаютъ рисовыя зерна. Мѣстами рисъ сначала высѣваютъ во влажную землю, а затѣмъ уже пересаживаютъ отдѣльными растеніями въ искусственныя болота. Время отъ времени нужно полоть рисъ, очищать рисовое поле отъ различныхъ сорныхъ травъ. Тогда рабочимъ приходится стоять по щиколку въ довольно холодной водѣ и, нагнувшись надъ болотомъ, дышать его вредными испа-

реніями. Ноги стынутъ, а сверху въ спину немилосердно печетъ южное солнце, и въ опущенную голову приливаетъ кровь. Эта работа очень тяжелая. Она страшно утомляетъ, и рабочіе одинъ за другимъ заболѣваютъ малярiей. Въ Италіи ни одинъ изъ нихъ не уходитъ съ рисовыхъ полей, не заболѣвъ упорною болотною лихорадкою. Отъ малярiи много рабочихъ умираетъ, а еще болѣе остаются на

всю жизнь калѣками: слабыми и хилыми.

Въ Европѣ воздѣлывается рисъ мѣстами въ Испаніи, куда занесли его изъ Африки мавры, потомъ въ сѣверной Италіи — въ долинѣ рѣки По, въ Греціи и Турціи. Особенно много разводятъ риса въ Персіи, а также въ Туркестанѣ. Сѣвернѣе — рисъ не можетъ рости, потому что для его созрѣванія нужно по крайней мѣрѣ 150 жаркихъ лѣтнихъ дней.

Едва ли не большую важность, чѣмъ хлѣбныя растенія, для южной Европы имѣетъ виноградъ. Виноградъ въ Средиземноморской области растетъ всюду. Во многихъ мѣстахъ онъ растетъ даже въ дикомъ или одичаломъ состояніи, безъ всякаго присмотра. Имъ обвиваютъ навѣсы возлѣ домовъ, изгороди, деревья. Виноградныя лозы садитъ всякій, кто имѣетъ свой клочекъ земли. Его садятъ и въ

садахъ, и на поляхъ, между хлѣбами. Изъ него дѣлаютъ живыя бесѣдки, имъ украшаютъ стѣны домовъ. Вездѣ и всюду въ селахъ и въ центрѣ крупныхъ городовъ вы встрѣчаетесь здѣсь съ виноградною лозою. Сплошные виноградники, какъ напримѣръ на югѣ Франціи или въ Ломбардіи, мѣстами занимаютъ громадныя пространства. Когда ѣдешь по нимъ въ теченіе долгихъ часовъ по желѣзной дорогѣ, то ихъ

однообразный видъ напоминаетъ собою наши обширныя степи, покрытыя вмѣсто обычной травы правильными рядами низкихъ кустарниковъ. На югѣ любятъ, однако, пускать лозы виться вокругъ высокихъ деревьевъ или перекидываться красивыми гирляндами съ дерева на дерево. Въ Европѣ виноградники разводятся съ незапамятныхъ временъ, но настоящей родиною европейской виноградной лозы слѣдуетъ

считать Закавказье и страны къ востоку отъ Средиземнаго моря. Здѣсь древнія лозы образуютъ настоящія деревья, въ сто и больше футовъ высоты, съ извитымъ стволомъ больше, чѣмъ въ аршинъ толщиною. Сначала виноградная лоза проникла въ Италію, отсюда въ южную Францію, а черезъ сѣверную Африку достигла и Испаніи.

Большая часть винограда, конечно, идетъ на вы-

*

дѣлку вина. Безъ вина не обходится у южанъ ни одна ѣда. Его пьютъ здѣсь съ малыхъ лѣтъ, пьютъ и мужчины, и женщины. Каждый крестьянинъ самъ дѣлаетъ для себя простое вино изъ своего винограда. Еще болѣе его выдѣлывается на продажу. Однако, выдѣлка хорошихъ винъ требуетъ большого умѣнья. Поэтому такое вино можно встрѣтить далеко не вездѣ. Лучшими винодѣлами считаютъ

французовъ, и французскія вина славятся на всю Европу. За ними идутъ испанскія и только затѣмъ уже итальянскія. Какъ вообще въ промышленности, такъ и въ винодѣліи итальянцы отстали отъ сѣверныхъ сосѣдей.

Характернѣе, чѣмъ виноградъ, для Средиземноморской области—маслина, изъ ягодъ которой выжимаютъ прованское масло. Это — невысокое, очень вѣтвистое дерево съ

мелкими, продолговатыми листьями, покрытыми снизу серебристымъ пушкомъ. Маслина или оливковое дерево, не теряетъ листьевъ зимой и круглый годъ даетъ густую тѣнь. Виноградъ растетъ и гораздо сѣвернѣе Средиземноморской области, маслина же распространена только въ прибрежныхъ странахъ Средиземнаго моря. Съ древнѣйшихъ временъ она росла въ Грецiи, Палестинѣ и Сирiи. Римляне

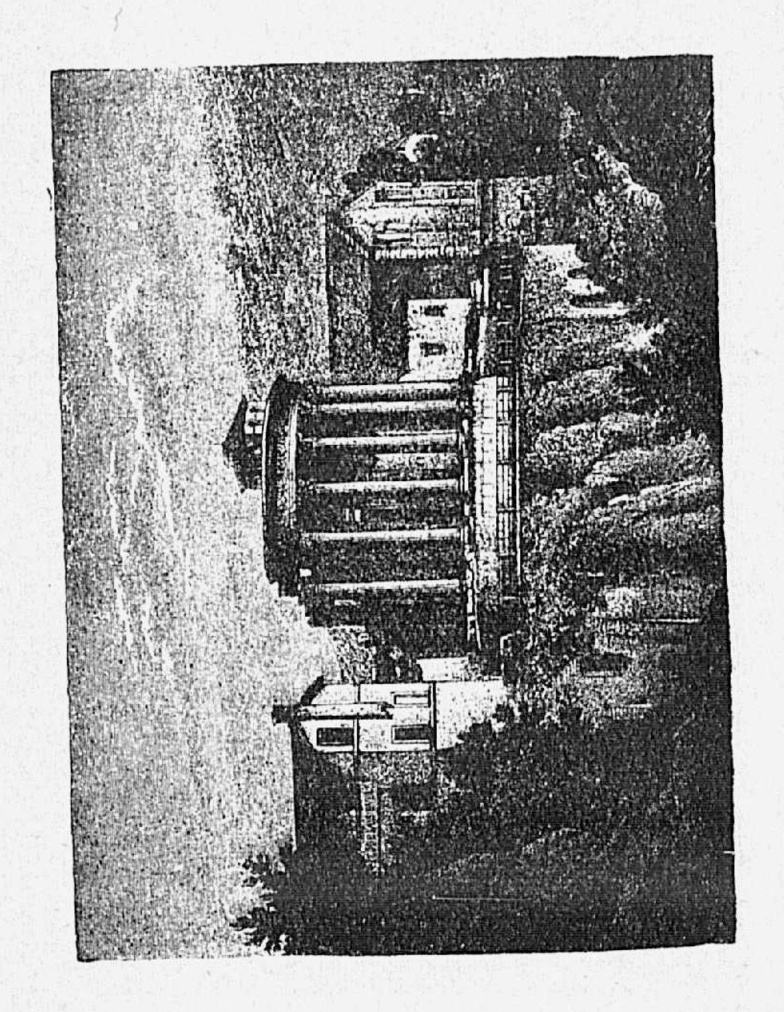

Рис. 22. Развалины древнихъ храмовъ въ Тиволи, (окрестность Рима) окруженныя цѣлыми аллеями оливковыхъ деревьевъ.

переняли воздѣлываніе маслины отъ грековъ. Греками же она была заведена и на югъ Франціи и къ намъ на южный берегъ Крыма. Въ настоящее время больше всего ее разводятъ въ Испаніи.

Оливковое дерево любитъ каменистую, сухую почву. Оно не требуетъ отъ человѣка почти никакого ухода и легко разростается, потому что корни его даютъ отпрыски, которые вырастаютъ въ

новыя деревья. Дерево не погибаетъ, если его срубятъ, или если оно сгоритъ во время пожара: останутся корни, изъ которыхъ вырастутъ другія деревья. Маслина для южанъ имѣетъ громадное значеніе. Въ Средиземноморской области почти всѣ кушанья готовятся на провансkомъ маслѣ. Коровье масло ѣдятъ только съ хлѣбомъ. Кромѣ того, всѣ южане ѣдятъ въ большомъ количествѣ и самыя ягоды

маслины,—напоминающія своимъ видомъ мелкія сливы,—солеными или маринованными. Значеніе маслины для грековъ хорошо рисуетъ одно греческое преданіе, разсказывающее о томъ, какъ главный городъ іонійцевъ, теперешняя столица Греціи, былъ названъ Аѳинами въ честь богини мудрости Аѳины. Городу надо было дать имя или этой богини, или бога моря, Посейдона,—смотря по тому, кто изъ

нихъ сдѣлаетъ жителямъ города болѣе цѣнный подарокъ. Тогда Посейдонъ сотворилъ коней, а Аѳина маслину, и городъ получилъ ея имя.

Къ плодовымъ деревьямъ растущимъ вообще на югѣ Европы, въ Средиземноморской области присоединяются, кромѣ маслины, еще гранатовыя деревья съ своими красивыми пунцово-красными цвѣтами, душистые померанцы и стройныя финиковыя паль-

мы. Лимоны и апельсины растутъ здѣсь цѣлыми рощами. На сѣверномъ берегу Африки апельсинныя деревья такъ же обыкновенны, какъ у насъ дубъ или рябина. Какъ съ дубовъ падаютъ осенью желуди, такъ здѣсь съ апельсинныхъ деревьевъ падаютъ на землю зрѣлые апельсины. Здѣсь ихъ почти не собираютъ, и сочные плоды достаются на обѣдъ скоту, который прячется

отъ солнца подъ густою тѣнью этихъ деревьевъ.

Несмотря на всю щедрость южной природы, современное населеніе Средиземноморской области удивляетъ насъ, жителей сѣвера, своею бѣдностью. Время богатства для этой области давно миновало. Въ своемъ развитіи и промышленности народъ далеко отсталъ отъ жителей другихъ странъ—отъ нѣмцевъ, сѣверныхъ французовъ и англичанъ. Онъ

бѣденъ, неряшливъ и невѣжественъ. Однако каждый грекъ, каждый итальянецъ или испанецъ помнитъ о лучшихъ, уже минувшихъ годахъ, когда они шли впереди другихъ европейцевъ,—и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относится къ болѣе развитымъ иностранцамъ. Правда, южане не могутъ уже разсчитывать на первое мѣсто среди европейскихъ народовъ, но нельзя сказать, чтобы они во-

обще были неспособны развиваться дальше. Всѣ они очень живы, впечатлительны и общительны. Ихъ довело до теперешняго состоянія и неумѣніе ихъ сплотиться въ одинъ сильный народъ, и продолжительное господство немногочисленныхъ болѣе зажиточныхъ алчныхъ лицъ, угнетавшихъ народъ ради корыстныхъ цѣлей. Итальянцевъ разорили ихъ сѣверные сосѣди, грековъ—турки, а испан-

цевъ—ихъ же собственное грубое духовенство. „Sic transit gloria mundi“—такъ проходитъ слава свѣта,—говоритъ латинская поговорка...

Бѣгутъ годы, столѣтіе смѣняетъ столѣтіе, проходятъ тысячи лѣтъ, и море попрежнему спокойно и величаво катитъ свои синія волны. А по берегамъ его колышатся другія волны: то движутся, какъ въ большомъ муравейникѣ, толпы людей... Они сходятся вмѣстѣ, растутъ и снова разливаются далеко по землѣ... Люди борются за лучшую жизнь, за свободу, за счастье. Они изнемогаютъ и гибнутъ въ этой борьбѣ, какъ волны, набѣгающія на безплодный берегъ. А море и береговые утесы, солнце и небо и вся природа безмолвно и безстрастно смотрятъ на эту безконечную борьбу...

Прошло дивное время эллиновъ, время прекрасной богини красоты, время

чудной покровительницы искусствъ и наукъ. Сверкнуло оно, какъ падающая звѣзда, какъ красивый фейерверкъ, искры котораго разсыпались дождемъ по берегамъ и островамъ Средиземнаго моря. Зазвучалъ и затихъ мощный побѣдный крикъ римскихъ легіоновъ, прошумѣлъ лѣсъ изъ безчисленныхъ копей надъ ихъ полчищами, закованными въ желѣзо, проползшими, какъ чудовищный драконъ, изъ конца въ конецъ по всему древнему міру... Отжилъ міръ древнихъ боговъ, уступивъ свое мѣсто новой религіи... Зажглась и потухла на горизонтѣ новая звѣзда: пышная эпоха испанскаго владычества, время расцвѣта третьяго южнаго полуострова Европы. Набѣжала съ востока новая людская волна, орды монгольскихъ кочевниковъ, волна ислама. Захватила она и восточные берега Средиземнаго моря.

*

Высоко поднялся ея гребень, угрожая залить и потопить всю Европу. Съ ужасною силою столкнулась эта волна съ поднявшимися навстрѣчу ей волнами христіанскаго моря: столкнулась и разсыпалась брызгами, разлилась мелкими ручейками,—и снова затихли берега обширнаго моря, матери европейскихъ народовъ... Снова все тихо, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ, снова копошится

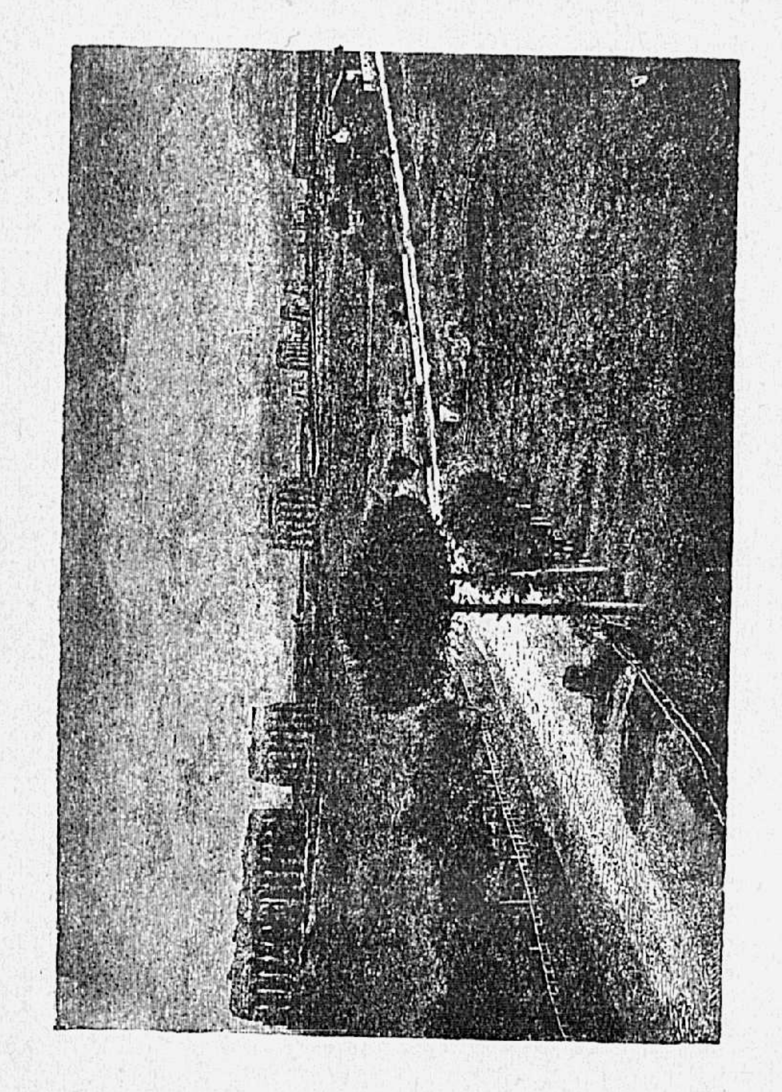

Рис. 23. Остатки древняго римскаго водопровода по дорогѣ въ Тиволи.

по берегамъ его людской муравейникъ... Только этотъ муравейникъ сталъ уже другимъ, не такимъ, какъ былъ раньше. Средиземное море закончило свое дѣло. Оно стянуло къ своимъ берегамъ первые культурные народы, оно дало имъ первое воспитаніе, показало имъ лучшія стороны жизни, дало имъ общую религію, научило ихъ не бояться моря, открыло имъ пути къ новымъ странамъ, въ

новыя моря. Теперь чередъ за этими странами: пѣсенка южной Европы спѣта... Кто знаетъ, что принесутъ эти страны европейской цивилизаціи? Сохранится ли она или уступитъ свое мѣсто другимъ лучшимъ отношеніямъ между людьми?.. Кто знаетъ?.. Будущее скрыто отъ человѣка...

